

ДЕТИ МАРСА

НАСЛЕДИЕ

Михаил Соловьев

Михаил Соловьев

Дети Марса. Наследие

«Автор»

2026

Соловьев М.

Дети Марса. Наследие / М. Соловьев — «Автор», 2026

Марс остался позади. На Земле Арен и Лайа пытаются привыкнуть к дому, где можно открыть окно и не бояться за жизнь. Но однажды посреди тёплого поля возникает идеальный круг льда. Под землёй просыпается древняя сеть — и начинает менять условия, в которых живут люди. По расчётам, через сорок один день холод может накрыть три обжитые долины. Чтобы найти источник угрозы, Арен и Лайа отправляются к заброшенному городу и скрытому в горах комплексу. Там они обнаруживают жизнь, для которой губительно то, что необходимо людям. Отключить сеть кажется единственным способом спасти поселения. Но для тех, кто живёт по другую сторону стены, это может стать смертным приговором. Пока одни требуют действовать немедленно, другие готовят эвакуацию. Арену и Лайе предстоит найти выход, прежде чем страх решит всё за них.

© Соловьев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ТЁПЛЫЙ ДЕНЬ	5
ГЛАВА 2. ЗЕМЛЯ НЕ ЗАБЫЛА	13
ГЛАВА 3. ЧУЖОЙ СИГНАЛ	22
ГЛАВА 4. МАРСИАНСКАЯ ЗАПИСЬ	30
ГЛАВА 5. КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН	36
ГЛАВА 6. СОРОК ОДИН ДЕНЬ	43
ГЛАВА 7. ТРЕТИЙ АДРЕС	50
ГЛАВА 8. ЧУЖАЯ ДОРОГА	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Михаил Соловьев

Дети Марса. Наследие

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ТЁПЛЫЙ ДЕНЬ

Утренний дождь застал Арена в тот момент, когда он разбирал дверной замок.

С первого исхода минуло чуть больше года, со второго — полгода. Арен уже знал, как разбухает от дождя дерево и почему ночью трещит крыша, но по-прежнему прислушивался к дому, как к аварийному отсеку. Никакой неисправности в замке не было. Дверь закрывалась ровно, скоба не болталась, язычок входил в паз без усилия. Он проверил это трижды и теперь пытался понять, почему вчера вечером ему показалось, будто дверь пропускает сквозняк.

Лайа стояла у плиты, на которой грелась вода.

— Ты собираешься разобрать весь дом?

— Только замок.

— Потом стену?

— Если потребуется.

Она взяла кружку, налила кипятка и опустила в него горсть сушёных листьев. Напиток сразу приобрёл тёмный цвет.

— Вчера ты проверял вентиляцию.

— Там действительно был плохой контакт.

— Позавчера — щиток.

— Он был плохо закреплён.

— А неделю назад ты зачем-то снял доски с пола.

Арен отложил отвёртку.

— Искал источник шума.

— Нашёл?

— Да. Под полом жила мышь.

— И как теперь чувствует себя мышь?

— Она ушла.

Лайа пододвинула ему чашку.

— Наверное, испугалась проверок.

Арен хотел улыбнуться, но в этот момент на крыше громко застучали капли. Он невольно поднял голову.

На Марсе такой звук был невозможен. Даже в самых больших жилых куполах вода падала в специально предназначенные для неё каналы. Если где-то с потолка начинало капать, люди не радовались прохладе. Они искали утечку.

Здесь дождь мог начаться без всякого разрешения.

Он подошёл к окну. На дороге уже появились тёмные пятна. Дождь становился сильнее, и над крышами соседних домов поднялась тонкая пелена.

Лайа поставила кружку на подоконник.

— Красиво.

— Если завтра не размочит дорогу.

— Иногда ты невыносим.

Он обернулся.

Она улыбалась, но улыбка быстро исчезла.

— Ты опять не спал?

— Спал.

— Сколько?

— Достаточно.

— Арен.

Он посмотрел на чашку, оставленную на окне.

— Проснулся в четыре.

— От чего?

Он не ответил.

Лайа не стала повторять вопрос. Они давно научились узнавать моменты, когда ответ есть, но человек пока не способен его произнести.

Снаружи кто-то пробежал под дождём. Мальчишки кричали друг другу, размахивая куртками над головами. Один поскользнулся, упал в лужу, поднялся и побежал дальше. Другой смеялся так громко, что его было слышно сквозь стекло.

Арен наблюдал за ними с непонятным чувством.

— На Марсе мы никогда не выпускали детей так далеко, — сказал он.

— Здесь они не задохнутся, если потеряют дорогу.

— Зато могут сломать шею.

— Могут. Но нельзя же из-за этого запретить им выходить на улицу.

Арен помолчал.

— Знаю. Просто каждый раз приходится вспоминать.

Лайа взяла свою чашку и поставила рядом с его.

— Тогда что тебя тревожит?

Он посмотрел на мокрые деревья.

— Сегодня ночью я проснулся и не сразу понял, где нахожусь.

Она не пошевелилась.

— Мне показалось, что выключили циркуляцию воздуха. В комнате стало тихо, и я начал слушать вентиляторы.

— Здесь нет вентиляторов.

— Именно. Я вспомнил об этом только потом.

Он опустил глаза.

— После этого не смог заснуть.

Лайа подошла и встала рядом.

— У меня бывает такое, — сказала она. — Иногда ночью слышу, как по крыше бьёт дождь, и думаю, что повреждена внешняя оболочка.

— Почему не говорила?

— По той же причине, по которой ты сейчас пытаешься чинить исправную дверь.

Арен посмотрел на лежащие на полу детали замка. Ему вдруг стало неловко.

— Я соберу.

— Я не про замок.

Он ничего не ответил.

Лайа открыла окно. В комнату вошёл прохладный воздух, запах влажной земли и листьев. Издалека донеслось гудение насоса, работающего у полей.

Арен потянулся закрыть створку.

Остановился.

Лайа заметила его движение.

— Пусть немного постоит.

Он медленно убрал руку.

Мир, в котором можно было держать окно открытым, всё ещё требовал от него усилия.

Когда дождь ослаб, Арен вышел во двор.

Возле забора под навесом лежали доски, оставшиеся после ремонта крыши. Одна доска намокла: её край выскользнул из-под покрытия. Он поднял её, прислонил к стене и увидел за забором Рина.

Мальчик сидел на корточках возле огромной лужи. Рядом стоял Ато с двумя тонкими палочками.

— Что строите? — спросил Арен.

— Переправу.

— Через лужу?

— Это не лужа, — возразил Рин. — Это река.

Ато показал две доски, уложенные между кирпичами.

— Видишь? Тут уже есть берег.

Арен присел.

Одна опора стояла слишком близко к краю. Если наступить на доску, кирпич опрокинется.

Он уже открыл рот, собираясь объяснить ошибку, когда Рин осторожно положил камешек на середину переправы.

Кирпич покачнулся.

Мальчик нахмурился.

— Ато, надо дальше поставить.

Они вдвоём перенесли опору.

Арен молча наблюдал.

На Марсе он бы немедленно исправил конструкцию сам. Там слишком дорогой была любая ошибка, чтобы позволять ребёнку экспериментировать.

Здесь же от неправильной опоры могла пострадать только мокрая доска.

— Ты будешь смотреть? — спросил Рин.

— Если разрешите.

— Тогда не подсказывай. Мы сами.

Арен сел на ступеньку.

Мальчики продолжили работу. Сначала обрушилась одна сторона. Потом поскользнулся камень. Наконец доска легла ровно.

Ато поставил на неё игрушечную машинку.

Машинка проехала через лужу.

Оба закричали от радости.

Арен неожиданно понял, что всё это время не думал ни о вентиляции, ни о старых узлах, ни о марсианском городе, которого больше не существовало в привычном виде.

Он просто смотрел, как двое детей строят ненадёжный мост.

И этого оказалось достаточно.

Позже Рин спросил:

— Арен, а на Марсе тоже были реки?

— Когда-то очень давно. Настоящие большие реки.

— Ты их видел?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— По следам. По старым руслам. По камням, которые вода когда-то переносила с места на место.

Рин задумался.

— Значит, даже если река исчезла, всё равно можно узнать, где она была.

— Да.

Мальчик посмотрел на свою маленькую переправу.

— Тогда, когда эта лужа высохнет, мы оставим мост.

Арен улыбнулся.

— Зачем?

— Чтобы помнить.

Вечером он рассказал об этом Лайе.

Она слушала, сидя на краю кровати.

— Умный мальчик.

— Да.

— А ты всё-таки собрал замок?

— Собрал.

— Исправил сквозняк?

— Сквозняка не было.

Она рассмеялась.

Арен лёг рядом.

Дом тихо поскрипывал от ветра. В дальней комнате капала вода из плохо закрытого крана. На крыше задержались несколько капель, которые время от времени падали на подоконник.

Он слышал все эти звуки.

Но впервые не пытался определить, какой из них предвещает отказ оборудования.

Лайа погасила свет.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Некоторое время он лежал с открытыми глазами.

Потом повернулся к ней.

— Завтра пойду к Хару. Насос опять барахлит.

— Знаю.

— Откуда?

— Он уже дважды приходил.

— Почему меня не позвала?

— Потому что сначала ты должен был поспать.

За окном начался новый дождь.

Арен закрыл глаза.

Ночью ему не снился Марс.

Снилась земля, по которой вода текла без труб, а маленький мост стоял через исчезнувшую реку.

* * *

Хар позвал Арена чинить насос в тот час, когда земля уже нагрелась, а вода в оросительном канале ещё оставалась холодной после ночи.

— Я сказал мальчишкам не трогать, — сообщил он, ведя гостя вдоль грядок. — Один трогал. Второй смотрел. Теперь оба уверяют, что ничего не делали.

— Похоже на правильный порядок обслуживания.

— Ты лучше насос посмотри.

Арен положил инструментальный ящик возле бетонного основания и открыл защитный кожух. Насос был земной, собранный из деталей разного возраста, с простой механической передачей и небольшим электронным блоком, который добавили недавно. На Марсе подобное устройство посчитали бы временным решением. Здесь оно работало уже девятый сезон.

— Клапан открывается? — спросил Арэн.

— Руками — да. От привода — через раз.

— А сигнал?

— На панели зелёный.

— Значит, сначала выясним, врёт ли панель.

Хар хмыкнул.

— Вот поэтому я тебя и позвал.

Арен отключил питание, снял крышку блока и вынул датчик положения. Тонкая плёнка грязи закрывала оптическую метку. Он протёр её, проверил контакты и снова включил питание. Индикатор послушно загорелся. Клапан остался неподвижен.

— Всё-таки не только датчик, — сказал он.

Хар промолчал, но выразительно поглядел на часы.

Арен опустил на колено, приложил ладонь к корпусу механизма и попросил Хара коротко подать питание. Внутри раздался сухой щелчок. Привод пытался провернуть заклинившую заслонку. Они снова отключили насос и проверили, что он не запустится. Под защитной пластиной обнаружился маленький кусок проволоки, застрявший в зубьях передачи.

— Так, — произнёс он. — А вот это уже похоже на работу человека.

Хар взял проволоку двумя пальцами.

— Мальчишки.

— Или прежний ремонт.

— Тогда мой прежний ремонт.

Арен усмехнулся.

Они убрали мусор, смазали передачу и проверили свободный ход. Клапан несколько раз послушно открылся и закрылся. Вода пошла по каналу, заполняя сухие боковые ответвления. Хар присел на край канавы, зачерпнул горсть и растёр воду между ладонями, будто именно так можно было определить, исправно ли работает насос.

— Поставить ручной обход? — спросил Арен.

— Если опять застрянет, я не хочу ждать тебя полдня.

— Сделаю. Но понадобится рычаг.

— Найду.

— И две крепёжные скобы.

— Найду.

— И не заставляй мальчишек проверять его проволокой.

— Это будет сложнее.

Они пошли вдоль канала. За полями виднелись крыши нового поселения — почти все разной формы, потому что никто не строил его по единому проекту. Одни дома земляные возводили из дерева, другие марсиане собирали из лёгких секций, привезённых при эвакуации. Между ними постепенно исчезали пустыри. Вырастали навесы, заборы, фруктовые деревца, сараи, которые делали там, где они были нужны, а не там, где их предусматривала схема.

Хар показал на край поля.

— Здесь весной земля долго оставалась холодной. Я думал, поздний заморозок. Но дальше всё оттаяло нормально.

— Подпочвенная вода?

— Проверял. Влажность такая же.

— Может, тень от холма?

— Тени здесь не бывает после полудня.

Арен запомнил место, но не придал рассказу большого значения. На новой планете он постоянно встречал явления, причины которых оказывались простыми и земными. Затенённый участок, другая почва, ветер по руслу высохшего ручья.

Хар внезапно остановился.

— Мне говорили, что ты помогал строить всю эту сеть на Марсе.

Арен взглянул на него.

- Какую сеть?
- Ту, на которой сюда пришли.
- Я работал с одним из её контуров.
- Значит, понимаешь старые машины.
- Не все.
- А кто понимает все?
- Никто, насколько мне известно.
- Хар некоторое время шёл молча.
- Не нравится мне такой ответ.
- Мне тоже.

К вечеру у заевшего клапана появился ручной привод. Заодно они восстановили старую возвратную ветвь: открыв её, можно было пустить воду обратно в накопитель и разгрузить насос перед остановкой. Арен закрепил рычаг, проверил стопор и показал Хару оба действия. Тот перепутал последовательность, выругался и повторил с начала, на этот раз следя и за манометром, и за водой в открытом накопителе.

- Теперь не надо ждать тебя, — сказал он, когда вода снова пошла по каналу.
- Только держи этот рычаг закрытым, если рядом дети.
- Опять дети виноваты?
- На этот раз взрослые.

Хар проводил его до дороги, поблагодарил коротким кивком и вернулся к полю.

Дома Арен нашёл Лайю возле плиты. Она грела воду, а на столе лежали раскрытые архивные записи. В углу стояла коробка с разобранными соединителями — ещё одна вещь, которую он обещал починить, когда найдётся свободный день.

- Хар отпустил? — спросила Лайа.
- С трудом.
- И сколько узлов ты успел заменить?
- Ни одного. Но нашёл проволоку там, где ей не место.

Она подвинула ему чашку.

За окном снова зашумел дождь. Лайа закрыла архивные записи.

— Нер завтра зайдёт. Говорит, его приёмники ловят какую-то старую помеху.

Арен взял чашку.

— Он всегда что-то ловит.

— На этот раз на трёх постах одновременно.

Он хотел спросить подробнее, но Лайа уже начала убирать со стола.

За окном дождь слабел. На дороге появились лужи, и Арен вспомнил маленький мост, который мальчики построили через канаву. Ему подумалось, что на Земле многое можно было не проверять до конца. Не потому что последствия неважны, а потому что не всякая ошибка становилась катастрофой.

На поле Хара дождь закончился позже, чем в поселении.

Старик проснулся от непривычного звука: вода перестала падать с крыши сарая, но из оросительной канавы всё ещё доносилось тонкое потрескивание. Он лежал несколько секунд, прислушиваясь, и решил, что засорился только что отремонтированный насос.

Надел сапоги, взял фонарь и вышел.

Воздух был мягкий, с запахом влажной почвы. Над полем стоял туман. У обочины темнела пустая тележка, оставленная после дневных работ.

Хар шёл вдоль канавы, проверяя, не разошлись ли крепления после дождя. Вода текла свободно. Труба лежала там, где проходила все прежние годы. Ни одной утечки.

Потрескивание продолжалось.

Он наклонился.

На деревянном бортике грядки белела тонкая полоска.

Хар посветил на неё фонарём. Иней. Настоящий иней, хотя над землёй всё ещё поднимался пар от тёплого дождя.

— Что ещё за чертовщина, — сказал он.

Присел и потрогал землю в двух шагах от бортика.

Мокрая, тёплая.

Приблизил ладонь к белой полосе.

Холодная.

Он поднял фонарь выше.

И увидел, что иней образует часть круга. Правильную дугу, не связанную ни с грядками, ни с уровнем воды. Внутри дуги растения уже клонились к земле. Их листья становились темнее, будто теряли цвет на глазах.

Хар выпрямился.

Первой мыслью было включить насос и смыть лёд тёплой водой.

Он даже сделал несколько шагов к рычагу, установленному Ареном, но остановился. Если дело не в погоде, вода может просто замёрзнуть на трубе. Арен весь день возился с насосом не затем, чтобы Хар сам вывел его из строя.

Тогда Хар пошёл к запасным ящикам.

В них лежали молодые растения, подготовленные для пересадки. Он вынес их из-под навеса, поставил на тележку и оттолкнул к дороге. Колёса вязли в сырой земле. Одно несколько раз заклинивало, и приходилось вытаскивать грязь рукой.

Когда вернулся, белая дуга стала шире.

Теперь он видел весь круг.

По краю по-прежнему стояла тёплая мокрая трава. Внутри — серые листья, стебли, уже начинавшие ломаться от ледяной корки.

Хар поставил рядом два деревянных колышка, чтобы отметить границу. Отступил, посмотрел.

Круг не совпадал ни с одним из водных каналов.

Он проходил поперёк поля, словно грядки были нарисованы на бумаге, а кто-то поверх них поставил тяжёлую холодную печать.

Хар достал карманный датчик.

Минус восемь.

Он не поверил.

Отнёс прибор за границу.

Плюс двенадцать.

Снова внутрь.

Минус восемь.

С минуту стоял, глядя на цифры.

Потом заметил в самом центре небольшой металлический обод. Днём его закрывала земля. Теперь влажная почва осела, обнажив край чего-то гладкого и тёмного. Металл не был похож на трубу, опору или привычный колодезный люк.

Хар знал все свои подземные коммуникации.

Этого предмета на поле быть не должно.

Он хотел подойти ближе, но замер: металл не был частью его хозяйства, и никто не мог сказать, что случится при прикосновении.

Злость поднялась почти мгновенно.

Кто-то когда-то проложил под его землёй машину, которой нет ни на одной карте. Теперь она губит урожай, а ему запрещают даже копать.

Он поднял лопату, стоявшую у сарая.

Постоял с ней возле белой границы.

Затем поставил обратно.

В середине круга уже ничего нельзя было спасти лопатой.

Хар взял прибор, сунул в карман и побежал к дому Арена. В темноте дважды оступился. На последнем повороте едва не наступил на игрушечный мост мальчиков, вовремя перенёс ногу и перепрыгнул узкую канаву.

Доски остались целы.

На крыльце Арена Хар несколько секунд не мог отдышаться.

Он поднял руку к двери.

В доме Арена проснулся, будто его окликнули. Во сне он снова стоял у холодной рамы.

Сначала решил, что открылось окно. Он встал, проверил створку и убедился, что она закрыта. В комнате было тепло. Лайа спала.

На пороге он задержался, прислушиваясь к далёкому шуму насоса.

Вдруг в ночной тишине раздался стук в дверь.

На крыльце стоял Хар — без куртки, с мокрыми волосами, хотя дождь уже кончился.

— Пойдём, — сказал он.

— Что случилось?

— Ты должен увидеть.

У края поля, где днём всё ещё зеленели растения, теперь лежал белый круг инея. Правильный, как начерченный циркулем. За границей круга листья оставались мокрыми и тёплыми после дождя. Внутри почва промёрзла настолько, что под подошвой хрустнула корка льда.

Хар держал в руке карманный датчик.

— Здесь минус восемь. В двух шагах — плюс двенадцать.

Арен взял прибор и перепроверил показания.

Круг имел отчётливую границу. Холод не расползлся по низине и не следовал направлению ветра. Он не мог объясняться обычным заморозком.

Арен присел у края и подставил ладонь потоку холодного воздуха, который едва ощутимо поднимался от почвы.

— Что это? — спросил Хар.

— Пока не знаю.

Хар долго смотрел на него, а потом неожиданно тихо произнёс:

— Это же не погода.

Арен ничего не ответил.

В середине круга на почве выступал тонкий металлический обод. Днём его не было видно под землёй и травой. Теперь вокруг металла всё покрылось белыми кристаллами.

Под их ногами работало что-то, чего не было на картах поселения.

ГЛАВА 2. ЗЕМЛЯ НЕ ЗАБЫЛА

На рассвете Хар пришёл к Арену с корнем погибшего растения.

Не с фотографией, не с образцом почвы и не с данными датчика — с самим растением, которое держал в руке, будто предъявлял улику.

— Посмотри.

Арен положил корень на чистую ткань. Нижняя часть почернела; тонкие ответвления ломались от прикосновения.

— Он промёрз, — сказал Арен.

— Я и сам вижу.

— Нужно проверить соседние грядки.

— Уже проверил. Два ряда погибли. На третьем почти всё целое. Твои измерения это объяснят?

Арен промолчал.

Ночной круг исчез. После восхода солнца температура внутри него поднялась, лёд растаял. Но растения уже не могли восстановиться. Арен обвёл погибшие ряды на карте и подписал время: ночью они ещё видели, как растёт ледяная кромка.

Лайа пришла с двумя кружками и поставила их на стол.

— Ива звонила, — сказала она. — В верхнем поселении замёрз колодец. Не весь. Только часть стенки.

Хар повернулся к ней.

— Как это — часть?

— Я не видела. Говорят, на одной стороне иней, на другой вода тёплая.

— Опять ваши старые машины? — спросил Хар.

Арен поднял глаза.

— Мы пока не знаем, что это за машины.

— Но вы умеете с ними разговаривать.

Лайа ответила прежде, чем Арен успел возразить:

— Иногда мы можем прочесть их записи. Это не одно и то же.

Хар взял погибший корень.

— Тогда пусть они хотя бы перестанут говорить моими посевами.

Он ушёл, оставив на столе след от земли.

Ива приехала вместе с Одой, которая после переселения занималась запасами и теперь ещё помогала наладить работу двух больших теплиц. Ода держала руку с перевязанным пальцем и выглядела так, будто не спала всю ночь.

Вместо приветствия она показала температурный график.

— Свет погас около полуночи. Через минуту по полу пошёл лёд. В другом конце теплицы было плюс семнадцать.

— Отопление? — спросил Арен.

— Не тронута. По крайней мере сначала. Я успела перекрыть воду, но часть труб уже лопнула.

На снимке виднелась белая полоса, проходившая через проход между стеллажами. Справа растения были влажными и зелёными. Слева стояли покрытые инеем.

— Крыша не обмерзала, — сказала Ода. — Холод шёл снизу.

Ива разложила на столе карту поселений.

Отметила круг на поле Хара.

Колодец.

Теплицу.

Между точками не было заметной закономерности. Они лежали слишком далеко друг от друга для единственного повреждённого трубопровода.

— Мы должны предупредить остальные поселения, — сказала Ива.

— Сначала нужно разобраться, — ответил Арен.

— Предупредить — не значит объявить виновного.

— Люди начнут искать древние узлы и вскрывать землю.

Хар, вернувшийся за забытым прибором, услышал последнюю фразу.

— Земля моя. И копать на ней без меня никто не станет.

— Именно поэтому предупреждение нужно составить правильно, — сказала Ива.

Арен снова посмотрел на карту. Каждый раз, когда данные складывались в нечто похожее на систему, он испытывал знакомое желание немедленно отделить достоверное от догадок и выдать людям уже готовый вывод. На Марсе так обычно выигрывали время. Здесь, похоже, эта привычка выглядела как стремление удержать власть над сведениями.

— Хорошо, — сказал он. — Сообщим, что обнаружены локальные участки необычного охлаждения. Неизвестного происхождения. Снимать показания из безопасного места. Не вскрывать конструкции. Не входить в закрытые зоны.

Ива записала.

— И передавать данные всем поселениям одновременно.

Арен кивнул.

Ода подняла перевязанную руку.

— Добавьте про воду. Если начинает мерзнуть труба, пусть перекрывают подачу и уходят. У меня люди пытались спасти саженцы, пока труба не разошлась по шву.

— Добавлю, — сказала Ива.

Ива сразу передала краткое предупреждение соседним поселениям; подробную сводку решили дополнить вечером. Остаток дня ушёл на измерения. На полях установили временные датчики. Данна проверила подходы к подозрительным местам и запретила заходить туда поодиночке. Хар спорил из-за одного прибора: стойка мешала воде идти по грядке. Арен перенёс стойку, оставив выносной датчик в прежней точке.

Около трёх часов пополудни сработал один из новых датчиков.

Звук был негромким — два коротких сигнала из коробочки на колышке. Хар услышал их первым, потому что находился рядом и пытался спасти молодые кусты от переувлажнения. Он обернулся, увидел мигающий индикатор и выругался.

— Опять.

Вчерашний белый круг давно растаял, и на его месте оставалась тёмная влажная почва. Теперь показания вновь менялись. Не сразу до минус восьми: сначала температура грунта упала всего на несколько градусов, потом ещё на два.

Арен прибежал от соседней грядки с переносным регистратором.

— Не подходи к металлу.

— Я к растениям подхожу. Они мне за это деньги не платят.

Хар выпрямился, но не отступил.

За его спиной стояла длинная труба оросительной линии. Вода поступала к грядкам через небольшой распределитель, который Арен чинил накануне. Белый налёт начал появляться как раз там, где труба уходила под землю.

— Перекрой насос, — сказал Арен.

— Если резко закрою, ударит по всей ветке.

Арен остановился.

Хар был прав. Вчера они проверяли старую систему, и насос работал при давлении, которое не позволяло просто перекрыть выход на полном ходу.

— Тогда сначала переведи на обход, — сказал Арен.

— На тот, который ты поставил?

— Да. Медленно. Потом остановим привод.

Хар побежал к бетонному основанию.

Арен остался у трубы и следил за датчиком. Кристаллы льда росли на металле, словно кто-то прикладывал холодный предмет с другой стороны стенки. Рядом, на поверхности земли, темнела ещё тёплая после дождя почва.

Вместе с Харом вернулась Ода, приехавшая за спасёнными саженцами. На её руке ещё была повязка, но она уже возила ящики между теплицами.

— Что теперь? — спросила она.

— Охлаждается труба. Нужно убрать воду, прежде чем она замёрзнет внутри.

Ода посмотрела на маленькую канаву, по которой шёл слив.

— Там ниже старый люк.

— Мы его не открываем.

— Я и не предлагаю. Если вода замёрзнет у входа, её некуда будет выпускать.

Она быстро отодвинула деревянные ящики, чтобы освободить доступ к ручному сливу. Арен потянулся к крану, но Ода остановила его.

— Перчатки.

Он посмотрел на руки.

В спешке забыл надеть защиту.

Ода молча протянула ему запасную пару.

Хар включил обходной режим. Насос изменил звук: тяжёлое гудение стало ровнее, вода пошла в безопасную боковую ветвь. Арен открыл слив и увидел, как из патрубка вытекает тонкая струйка.

Сначала тёплая.

Потом почти ледяная.

Через несколько секунд в струе появились маленькие белые кристаллы.

— Закрывай основной привод, — сказал Арен.

Хар остановил насос. Вода продолжала уходить самотёком.

Иней дошёл до металлического хомута, где труба крепилась к деревянной стойке. На самой стойке белого налёта не было. Ода провела рядом прибором, не касаясь поверхности.

— В десяти сантиметрах температура почти обычная.

Арен записал показания.

Он привык думать об авариях как о нарушении работы известного механизма. Здесь у него под рукой не было даже списка деталей. Он видел только последствия: охлаждение, быстрый перенос тепла через металл и чёткую границу, не похожую на обычную зимнюю погоду.

Тем временем Хар вернулся с лопатой.

— Я выкопаю трубу до места, где лёд начинается.

— Нет, — сказал Арен.

— Она моя.

— Труба — да. А то, что лежит под ней, возможно, нет.

Хар крепче сжал рукоять.

— Если промедлим, у меня опять всё погибнет.

Арен хотел забрать лопату.

Но заметил, что Хар смотрит не на него, а на грядки. Там были растения, которые он посадил этой весной, и каждое требовало воды именно сейчас. Без насоса они тоже могли погибнуть.

— Я не могу позволить тебе копать в опасной зоне, — сказал Арен. — Но могу помочь перенести подачу на другую линию. Пока не поймём, откуда холод.

— На какую другую? Эта единственная.

Ода подняла голову.

— У меня на складе есть гибкий шланг. Старый, длинный. Если провести его поверх земли вдоль дороги, хватит до верхнего края поля.

Хар посмотрел на неё.

— На один день?

— Если закрепим хорошо — на несколько. Потом разберёмся.

Он опустил лопату.

— Тогда давай.

Пока Ода ездил за шлангом, Арен поставил ещё два датчика: один у холодной трубы, второй в стороне от неё. Третий Хар сам предложил установить возле старой площадки, где грунт в последние дни почему-то оставался суше, чем на соседних участках.

— Я думал, там земля хуже держит влагу, — сказал он.

Арен измерил температуру.

Почва там была теплее окружающей на несколько градусов.

Он проверил прибор другим способом и убедился, что разница сохраняется.

С одной стороны от старой линии — быстрое охлаждение.

С другой — локальный прогрев.

Может быть, это две независимые особенности почвы. Может быть, одно и то же оборудование перемещало тепло между участками. Данных не хватало, чтобы утверждать причинную связь.

Но Арен впервые понял, какие измерения им понадобятся.

— Что там? — спросил Хар.

— Теплее, чем должно быть в этой части поля.

— Ну и хорошо.

— Возможно. Нужно понять, что происходит с теплом, которое уходит из одного места и появляется в другом.

Хар выпрямился.

— Значит, ты уже хотя бы знаешь, куда смотреть.

— Знаю, что надо измерить.

Хар посмотрел на пустую сливную канаву.

— Ладно. Это уже полезнее, чем ждать, пока всё само растает.

К вечеру Ода привезла шланг, и они устроили временный поверхностный обход. Для крепления пришлось разобрать часть старой ограды. Хар ворчал, что теперь козы соседей обязательно найдут дорогу на его поле, и Арен впервые за день услышал в его голосе привычное раздражение, а не страх.

Когда вода снова пошла к уцелевшим грядкам, Ода присела на ящик.

— Холод мы не остановили, — сказала она.

— Нет, — ответил Арен.

— Но растения пока поливаем.

Хар посмотрел на струю.

— Пока.

Он больше ничего не добавил.

И это короткое слово показалось Арену точнее любого отчёта. Они не победили неизвестную машину. Не объяснили древнюю технологию. Только сделали маленький обход, чтобы человек мог прожить ещё один день со своей работой.

Зато теперь у них были данные о двух участках — одном холодном и другом тёплом. И оба находились возле старой подземной линии.

* * *

На следующее утро Хар привёл на поле двух соседей. Один принёс лопату, другой — корзину с клубнями, выкопанными на другом конце долины. Они хотели понять, можно ли спасти посадки, если перенести верхний слой земли.

Арен попросил не начинать сразу. Они разметили участок верёвкой и поставили четыре колышка. У первого оставили почву как есть. У второго сняли верхний слой и заменили сухим. У третьего утеплили поверхность соломой. Четвёртый участок использовали как контрольный, за пределами холодной полосы.

— Мы что, будем ждать неделю? — спросил сосед с лопатой.

— Чтобы понять, помогает ли это, — ответил Арен. — Но посадки за пределами полосы можно укрывать уже сейчас.

Хар не был доволен. Ему требовалось решение, а не опыт. Он считал клубни поштучно, прикидывал, сколько еды потеряет семья, если участок погибнет целиком. Арен записал количество и спросил, кому ещё нужен урожай с этого поля.

— Школьной кухне, — сказал Хар. — И двум старикам у ручья. Они уже не сажают сами.

Только теперь Арен понял, что в расчёте потерь недостаточно знать площадь. Он добавил к карте не только растения, но и людей, которые ждали их к зиме.

При следующем коротком похолодании контрольный участок за границей полосы остался тёплым, под соломой корни остывали медленнее, а заменённая земля снова промёрзла снизу. Для вывода о будущем урожае было слишком рано, но Хар уже видел, что переносить почву бесполезно. Он показал результат без удовлетворения.

— Значит, копать бесполезно.

— Значит, источник холода ниже корней. Пока мы не найдём его, перенос почвы не решает проблему.

Они сняли солому, проверили влажность и решили повторить защиту на оставшихся рядах. Арен предложил поставить простую сигнализацию температуры у нижнего края поля. Хар отказался от громкой сирены: ночью она разбудит всю долину. Вместо неё согласился на лампу у дома и короткий сигнал на ручной приёмник.

— Если я сам буду видеть, когда начинается, хотя бы не просплю, — сказал он.

Арен помог закрепить датчик. Кабель пришлось провести вдоль забора, чтобы его не повредили тележки. На одном участке земля оказалась такой мягкой, что колышек не держался. Хар вырезал из старой доски широкую опору.

— Вот это я понимаю, — сказал он. — Проблема, которую можно решить руками.

Арен улыбнулся, но быстро перестал. Он тоже хотел бы иметь дело только с такими проблемами.

Вечером Хар принёс к нему маленький мешок уцелевших клубней. Арен попытался отказаться.

— Не за работу, — сказал Хар. — Ты всё равно ничего ещё не починил. Просто у нас принято делиться, пока есть чем.

Лайа сварила из них ужин. Арен ел медленно, ощущая, как трудно ему принимать пищу, выращенную на земле, которую он не сумел защитить. Лайа не стала успокаивать. Она только попросила передать соль и сказала, что завтра зайдёт к Хару узнать, нужна ли помощь с укрытием.

* * *

Мара вышла на связь из нижней долины, когда Арен ещё складывал шланги у поля Хара. За её спиной шумела вода. На экране виднелась мокрая деревянная стенка и детская ладонь, которая то появлялась в углу изображения, то исчезала.

— Эн, подожди минуту, — сказала Мара. — Я разговариваю.

— Я только покажу.

В кадр вошёл маленький деревянный дом. У него была слишком широкая крыша и труба, вырезанная из обломка рейки.

— Кран научил делать новую крышу, — сообщил Эн.

— Вижу, — ответил Арен. — Теперь она не упадёт?

— Она и раньше не падала. Качалась.

Мара мягко отодвинула домик в сторону.

— Прости. Он сегодня решил, что каждый инженер должен проверить его работу.

— Правильно решил.

Улыбка исчезла с её лица, когда Арен показал снимок промёрзшего поля.

— Сколько таких мест?

— Пока три подтверждённых. Возможно, больше. Они не похожи на повреждение берега после прохода.

Мара посмотрела на измерения. После исхода она научилась не доверять словам «не похоже» без чисел. Слишком хорошо помнила, как перегретая вода в долине сначала казалась обычной неисправностью датчика.

— Что с водой ниже по течению?

— Отобрали пробы. Результатов ещё нет.

— Тогда не говорите людям, что это только холод. В прошлый раз мы тоже сначала считали одну величину.

Арен не стал спорить. Он вспомнил нижний берег, пустые бочки и Ралу, заставившую их выслушать всех, кто потерял доступ к воде из-за чужого решения. На Марсе он привык измерять цену действия количеством спасённых. На Земле выяснилось, что счёт не заканчивается после выхода последнего человека из перехода.

— Как там у вас? — спросил он.

— Вода вернулась в два канала. Третий ещё закрыт. Дейр работает с ремонтной бригадой, но к управлению его не допускают. Рала проверяет ведомости сама. Это медленно.

— Зато никто не сможет сказать, что не знал.

Мара чуть повернула камеру. За её плечом Эн расставлял деревянные бруски, изображая мост. Он не обращал внимания на взрослых, пока один брусок не упал.

— Ты ведь помнишь, что под нашей долиной тоже нашли старые конструкции? — спросила она.

— Помню.

— Лайа тогда сказала: мы не знаем, кому принадлежит нижний зал, и не должны вести себя так, будто он пустой. Если здесь снова открывается что-то похожее, начните с этого.

Арен посмотрел на фотографию металлического обода. Он думал о клапанах, насосах и температуре. О том, как изолировать участок, не потеряв урожай. Мара напомнила ему о другом: в прежнем узле они уже встречали существ, чья среда существования была несовместима с человеческой, и однажды едва не погубили их, спасая себя.

— Мы не знаем, соединены ли эти сооружения, — сказал он.

— Я и не утверждаю. Но незнание не означает, что там никого нет.

Эн поднял голову.

— Мам, а у них тоже есть дома?

Мара посмотрела на него.

— У кого?

— У тех, за холодной стеной. Ты же рассказывала.

— Не знаю, как они называют свои места.

Мальчик задумался, потом повернул деревянный домик так, чтобы дверь смотрела на камеру.

— Тогда не надо ломать дверь, — сказал он.

Связь закончилась без торжественного обещания разобраться во всём. Мара вернулась к водяному узлу, Эн — к своему мосту, а Арен остался у стола с фотографиями.

Он открыл журнал и добавил ещё один пункт к перечню рисков: «Неизвестное обитаемое пространство. Проверить до вмешательства». В следующей строке записал имя Лайи. Ей следовало показать это не как готовую гипотезу, а как ограничение, которое они уже однажды заплатили слишком дорого, чтобы забыть.

* * *

К вечеру у них было больше цифр и меньше уверенности.

Температура не повторяла суточный цикл. Несколько холодowych пятен появлялись сразу, держались разное время и исчезали. Ни одно не было связано с работой человеческих насосов или тепловых установок.

Зато все три находились недалеко от старых подземных линий, которые местные предпочитали обходить при строительстве.

— Совпадение? — спросила Лайа.

— Может быть, — ответил Арен.

Кель, приехавший из северной долины после общего предупреждения, постучал пальцем по карте.

— Если это старые регуляторы, их надо отключить.

Он был невысоким, крепким человеком с обветренным лицом и руками, на которых навсегда остались следы работы с инструментом. Он не тратил времени на привычные приветствия.

— На моей линии вчера лопнула труба, — сказал Кель. — Температура падала внутри корпуса, хотя снаружи было тепло. На следующий день вся автоматика опять показывала норму.

— Мы не знаем, куда передастся нагрузка после отключения, — сказал Арен.

— Зато знаем, что будет, если оставить всё как есть.

— Пока знаем только о повреждениях, — вмешалась Данна. — Никто не будет вмешиваться в неизвестные устройства без анализа.

Кель посмотрел на неё.

— Кто подписывает такой анализ?

— Тот, кто сможет объяснить последствия.

— Тогда, боюсь, ничего мы не отключим.

Он ушёл, не дожидаясь окончания встречи.

Лайа проводила его взглядом.

— Почему он так торопится?

Ива сложила карту.

— Его семья уже однажды попала в такую зону. Не сейчас. Несколько лет назад, ещё до вашего появления.

— Что произошло?

Ива некоторое время молчала.

— Погибла их дочь, Мика. Кель вынес сына, Яна. Сана, его жена, несла девочку, но та перестала дышать до того, как они добрались до тёплого места.

Арен смотрел на дверь.

Ему захотелось немедленно догнать Келя и что-то объяснить. Возможно, рассказать о том, почему нельзя ломать неизвестную сеть. Возможно, сказать, что он тоже помнит людей, которых не удалось спасти.

Но это было бы объяснение для самого Арена, а не для Келя.

Он остался.

Когда встреча закончилась, по дороге прибежали Рин и Ато.

Оба запыхались. Рин держал в руке кусок влажной травы, Ато — небольшой камень, покрытый инеем.

— Там под мостом металл, — выпалил Рин.

— Какой мост? — спросила Мирр, которая только что подошла к зданию.

— Наш.

— Что вы там делали?

Мальчики переглянулись.

— Проверяли, держится ли после дождя, — ответил Ато.

Арен взял камень. Он был холоднее воздуха.

— Где нашли?

— В канаве. Когда воду размыло, там показалась гладкая штука. Мы наступили рядом, и стало холодно.

Данна немедленно велела отвести детей внутрь. Мирр осмотрела им ладони: небольшие белые пятна на пальцах Рина выглядели как следы сильного охлаждения, но кожа быстро вернула обычный цвет.

Арен отправился к канаве вместе с Данной и Харом.

Мост стоял.

Небольшой, кривой, на двух кирпичных опорах — но стоял. Под одной доской вода вымыла землю, обнажив тёмную металлическую поверхность.

Арен присел и направил свет вдоль края.

Металл не был трубой или плитой. Скорее частью широкого кольца, уходившего в землю под углом. Он выглядел цельным, без болтов и сварных швов. На поверхности не было ржавчины.

Данна проверила температуру.

— Минус четыре, — сказала она. — По кромке. В двадцати сантиметрах плюс пятнадцать.

Хар присвистнул.

— Кольцо под дорогой. И такое же на моём поле?

Арен приблизил фонарь к металлу.

На секунду у самой границы света проступила тонкая серая линия.

Потом исчезла.

— Видели? — спросил он.

— Что? — ответила Данна.

Он повторил движение фонаря.

Ничего не произошло.

Хар шагнул ближе.

— Не вздумай копать. Я не разрешал.

— Не будем, — сказала Данна. — Сначала выставим ограждение.

Арен поднялся, ощущая знакомое неприятное напряжение. Линия на металле была слишком похожа на световые отметки старой марсианской сети, которые он видел перед массовым переходом.

Он не сказал об этом вслух.

И от этого молчания ему стало ещё хуже.

Поздно вечером Ива передала первое предупреждение во все общины. Текст был коротким, без обвинений и обещаний: необычные локальные холодовые явления, опасность повреждения оборудования, запрет на самостоятельное вскрытие подземных конструкций, единый канал сообщений.

Ода принесла фотографии спасённых саженцев. Хар назвал количество погибших рядов. Мирр отправила перечень признаков переохлаждения у детей. Данна внесла их в общий журнал.

Мальчики слушали предупреждение из мастерской Нера. Они должны были помогать разбирать старые контакты, но то и дело возвращались к разговору о мосте.

— Если там железо холодное, его же можно чем-нибудь закрыть, — предложил Ато.

Нер поднял голову.

— Сначала надо узнать, почему оно холодное.

— Опять ждать?

— Да.

Рин вздохнул.

— Взрослые всё время говорят ждать.

— Не все взрослые, — ответил Нер и покосился на закрытую дверь мастерской. — Некоторые сначала нажимают кнопку, а потом выясняют, зачем она.

Из динамика на столе донеслись три коротких удара.

Нер перестал улыбаться.

Он повернулся к приёмнику.

Ещё три удара. Пауза. Затем один длинный импульс.

В мастерской стало тихо.

Нер открыл журнал записи.

На другом, независимом приёмнике повторилась та же последовательность — с небольшой задержкой.

Нер смотрел на экран и чувствовал, как холодеют пальцы.

Слова Ивы о замёрзших полях он слышал раньше. Об открывшемся металле под детским мостом тоже знал.

Но сейчас к этим странностям прибавилось то, чего он боялся почти так же сильно, как надеялся когда-нибудь услышать.

Сигнал был похож на старую марсианскую запись.

И на этот раз его принимали одновременно с нескольких сторон.

ГЛАВА 3. ЧУЖОЙ СИГНАЛ

На следующий день приёмник снова подал сигнал, когда Нер пытался заставить Рина убрать со стола мокрые перчатки.

— Не дуй, — сказал он, наблюдая, как мальчик старательно обдувает только что установленный контакт.

— Он быстрее остынет.

— А вместе с ним остынет и соединение, прежде чем припой успеет лечь как надо. Убери руки. Посмотрим.

Ато откинулся на спинку стула. Рин, которому поручили разбирать старые разъёмы, уже успел рассортировать их по размеру и теперь изучал, нельзя ли собрать из оставшихся деталей что-нибудь с движущимися колёсами.

Мастерская находилась на первом этаже бывшего склада. Здесь пахло нагретой изоляцией, пылью и железом. Стены были земные, неровные, сложенные из тяжёлого кирпича. Только вдоль дальней стены тянулся ряд марсианских устройств, которые Нер спас во время эвакуации: старые блоки питания, два осциллографа, катушки кабеля, переговорные панели. Издали они напоминали музей неисправного оборудования.

Нер не любил слово «музей». Все вещи могли понадобиться.

— Теперь подай питание, — сказал он.

Ато включил небольшой преобразователь. На столе загорелась зелёная точка. Нер потянулся к осциллографу, чтобы проверить форму импульса, и в тот же момент из старого приёмника у окна донеслись три коротких удара.

Тук. Тук. Тук.

Пауза.

Более длинный низкий сигнал.

Затем снова тишина.

Нер замер с рукой над прибором.

— Что это было? — спросил Рин.

— Могло быть всё что угодно.

Он сказал это слишком быстро.

Приёмник давно не использовали для обычной связи. Он стоял возле окна как независимый контрольный пост: простой тракт, не связанный с современной сетью и потому полезный, когда новая аппаратура начинала врать. У него были свои недостатки. Он шумел на некоторых частотах, плохо держал настройку и не умел отделять случайные импульсы от настоящих.

Но Нер знал его шумы почти наизусть.

Три коротких сигнала повторились.

Тот же интервал.

Та же пауза.

Нер выключил паяльный преобразователь. Приёмник продолжал передачу. Отключил освещение над столом — помеха осталась. Потом переключил вход на резервную антенну.

Сигнал не исчез.

— Ты кому-то позвонил? — спросил Ато.

— Нет.

— Тогда кто звонит тебе?

Нер посмотрел на график.

Задержки между импульсами были одинаковыми с точностью, которой трудно добиться случайными ударами. Сама форма несущей менялась, но структура пакета сохранялась.

Он включил запись сразу в двух местах: на основном регистраторе и на отдельном старом накопителе, который ни разу не подключали к земной сети.

— Рин, дай мне карандаш.

Мальчик протянул короткий огрызок.

Нер написал на бумаге время первого приёма, используемый диапазон и состояние оборудования.

— Зачем записываешь, если всё сохраняется? — спросил Ато.

— Чтобы потом никто, включая меня, не смог случайно поправить воспоминания под красивую версию.

Он произнёс это спокойно.

Но руку с карандашом пришлось положить на стол, потому что она дрожала.

* * *

Первый внешний пост ответил через четыре минуты.

— Подтверждаем последовательность, — сообщил дежурный из восточной долины. — У нас она идёт пачками. Каждые несколько десятков секунд.

Второй пост стоял возле старой дороги. Он подтвердил то же самое, но начал запись раньше первого. Третий — автономный регистратор на северном холме — прислал исходный файл, в котором начало сигнала почти совпадало по времени с данными мастерской.

Нер разложил записи рядом.

Если передатчик находился в одной точке, сигнал должен был прийти к приёмникам с разной задержкой. Он мог отражаться от гор или старых сооружений; могли расходиться часы постов. Но после проверки синхронизации положение источника всё равно не складывалось в одну точку на карте.

Он трижды пересчитал координаты.

Получалось, что передача начиналась почти одновременно в нескольких местах.

Рин стоял за плечом.

— Это три человека?

— Может быть.

— Они говорят одно и то же?

— Очень похоже.

— Тогда, наверное, договорились.

Нер взглянул на него.

— Или кто-то включил одну команду сразу на трёх станциях.

Он открыл старую карту подземных коммуникаций. На ней были человеческие дороги, колодцы, кабельные каналы. Рядом лежала неполная марсианская схема, которую когда-то извлекли из переходного узла. Они не совпадали по масштабу, и Нер не хотел подгонять точки силой.

Ато подвинулся ближе.

— А можно ответить?

— Сначала надо узнать, кто передаёт. И есть ли вообще кому отвечать.

— Почему ты сразу думаешь, что это машина?

Нер не знал, что сказать.

С детства он привык искать источник сигнала. Где передатчик, какой канал, что происходит с задержкой и почему сигнал теряется. За любым сообщением мог стоять человек. Но сначала требовалось убедиться, что сообщение не придумано прибором.

Теперь впервые ему захотелось нарушить собственный порядок.

Он открыл архив Марса.

В рабочей папке уже лежали диагностические пакеты нескольких древних узлов. Их заголовки повторялись из года в год, и в таком повторении не было ничего удивительного. Однако Нер искал не их.

Он открыл раздел восточной ремонтной станции.

Название вспыхнуло на экране, и привычная мастерская сразу стала чужой.

Нер слышал будто бы другой шум вентиляции, чувствовал холод сухого воздуха аварийной аппаратной и видел красные строки на пульте. За мгновение до этого он был инженером, которому хотелось найти передатчик. Теперь снова оказался человеком, не сумевшим закончить один вызов.

Он запустил сохранённый пакет.

Три коротких импульса.

Пауза.

Один длинный.

Рин перестал шевелиться.

Нер совместил служебные заголовки, затем перешёл к остальной части пакетов. Первые четыре интервала совпали. В следующей группе пятый отличался по длине, шестой в новой записи отсутствовал.

Он увеличил масштаб.

Проверил ещё раз.

— Это Марс? — спросил Рин.

Нер не обернулся.

— Ты почему так решил?

— У тебя лицо стало такое же, как когда ты рассказываешь про него.

Мальчик показал пальцем между бровями.

Ато попробовал скопировать выражение, но Рин даже не улыбнулся.

— Там кто-нибудь остался? — спросил он.

— Мы не знаем.

— И до сих пор никто не узнал?

Нер закрыл архивную запись, но не выключил её.

— Нет.

— А если они всё это время зовут?

Рин ещё помнил марсианские коридоры и переход на Землю: шум, чужие руки, мать, которая никак не отпускала его плечо. Ато родился здесь и знал Марс по рассказам друга. Оба уже умели различать взрослое «ничего страшного» и то молчание, после которого лучше не задавать вопросов.

Для них Марс был настоящим миром, о котором рассказывали взрослые, а не местом, где ещё оставались последние незакрытые двери.

В дверях появилась Мирр. Она пришла за сыном и сразу заметила, что в мастерской что-то случилось.

— Рин, домой. И Ато проводи до поворота.

— Но Нер поймал Марс.

Мирр посмотрела на него.

— Нер поймал сигнал. Это не одно и то же.

Мальчик нахмурился.

— Ты тоже всё время так говоришь.

Он забрал сумку и вышел, сердито хлопнув дверью. Ато тихо извинился за хлопок и поспешил следом.

Нер не стал их останавливать.

Мирр присела у стола.

— Восточная?

Он кивнул.

Она посмотрела на два графика.

— Совпадение сильное?

— В заголовке. Дальше расходится.

— Ты всё равно надеешься.

— Очень.

Мирр опустила глаза.

Нер прибавил:

— И поэтому не доверяю себе сейчас.

В середине дня сигнал исчез.

Не медленно ослаб, не утонул в помехах. После очередного целого пакета просто перестал существовать. Во всех четырёх точках приёма — почти одновременно.

Нер проверил часы, питание, общий тракт передачи данных. Пришлось связаться с каждым дежурным отдельно, потому что он не доверял даже системе опроса постов.

Именно синхронное исчезновение тревожило сильнее начала.

Кто-то или что-то выключило несколько источников одной командой.

* * *

К вечеру Нер вышел к северной вышке.

Он говорил себе, что идёт проверить запасной антенный пост. Это было правдой, но не всей: находиться в мастерской среди старых марсианских записей стало невыносимо.

Нога болела после долгого сидения. Нер опирался на трость и шёл медленнее обычного. Влажный воздух пах листвой и землёй, на которую недавно прошёл дождь. На Марсе он никогда не мог определить погоду по запаху. Здесь уже начинал различать приближение новой влаги и тот сладковатый холод, который приходил после летних ливней.

У площади он встретил Хара.

Тот остановился прямо перед ним.

— Вы там что-то слышали?

Нер подумал о мальчиках.

— Да. Необычный сигнал.

— От старой сети?

— Возможно, но источник пока не установлен.

Хар устало потёр лицо.

— Я только что выкорчевал два ряда растений. Они не восстановятся. Завтра привезут новые семена, а я не знаю, не погибнут ли и они. Ты говоришь «не установлен», а мне нужны слова, по которым можно решить, сеять или нет.

Нер не стал отвечать сразу.

— На каком участке?

Хар назвал грядки.

— Не сей там, пока Данна не разрешит работы возле холодových зон. Не потому что я знаю причину. Потому что риск повторения пока не исключён.

Хар кивнул.

— Вот это уже ответ.

Нер пошёл дальше и подумал, что инженерная осторожность не обязана звучать как уклонение. Иногда человек спрашивает не о природе всей системы, а о том, что ему делать утром.

С вышкой работали двое старших учеников. Они принесли новое крепление антенны и уже собирались подниматься.

— Лестницу проверяли? — спросил Нер.

— Вчера.

— После дождя?

— Нет.

— Тогда вместе.

Один из ребят хотел возразить, но увидел, как Нер берёт трость и инструмент, и промолчал.

На втором пролёте металлическая стойка оказалась влажной. Нер проверил ступени, затем перила. Левая сторона была прохладной, правая почему-то обжигала пальцы холодом.

Он отдернул руку.

Прибор показал минус три на металле и плюс четырнадцать в воздухе.

Нер присел, опираясь на ступеньку.

По правому поручню тянулась тонкая белая полоса. Она продолжалась вдоль металлического короба, уходившего вниз к земле. На соседнем креплении выступил конденсат, но не замёрз. Граница проходила прямо по месту соединения двух деталей.

— Не двигайтесь, — приказал Нер.

Один из учеников стоял выше.

— Там иней?

— Да. Медленно спускаемся. Не держитесь за правую сторону.

— Но мы почти дошли.

— Антенна никуда не уйдёт.

Нер показал, куда ставить ноги, и пропустил ребят первыми. Сам спустился последним.

К середине лестницы большая нога начала подгибаться. Он остановился, прижавшись плечом к стойке, и выдохнул сквозь зубы.

Снизу окликнули:

— Помочь?

— Стоять на земле.

На Марсе он ненавидел этот момент: собственное тело отказывалось выполнять распоряжение, хотя голова уже рассчитала каждое движение. Сейчас злость была такой же.

Он дождался, пока боль ослабнет, и спустился.

На земле один ученик хотел сразу бежать к старой кабельной площадке, куда уходил промёрзший короб.

Нер остановил его.

— Сначала ограждение. Потом снимки. Никто не идёт туда один.

— Ты сам собирался идти.

— Я как раз передумал.

Он набрал Данну, передал данные и попросил прислать пост безопасности. Затем вызвал восточный регистратор, попытался сравнить время изменения температуры со вчерашними сигналами.

Совпадение было неполным.

Но полоска инея появлялась на башне примерно тогда, когда в соседнем старом узле начинался очередной короткий цикл активности.

Слишком рано для вывода.

Достаточно, чтобы поставить предупреждение.

* * *

Вечером на складе пришлось открывать старый ящик с запасным ограждением.

Из него выпали металлические ленты и погнутые таблички. Нер выбрал две уцелевшие, прикрепил их возле вышки и проверил, видно ли знаки от дороги.

Потом пришла Данна.

Она осмотрела белую полосу с расстояния, которое позволяли приборы, и велела снять антенное крепление с плана работ.

— Ребята не пострадали?

— Нет.

— А ты?

— Нога болит.

— Это уже привычное замечание. Я спрашиваю про холод.

— Не касался надолго.

Данна посмотрела на него.

— В следующий раз давай не будем испытывать предел собственной кожи.

Она вызвала дежурную группу и направилась к чёрной площадке, которую строители давно обходили, прокладывая коммуникации. Нер проводил её взглядом.

Площадка находилась у края старой дороги. На ней не росла трава, а после снегопада поверхность быстрее освобождалась ото льда. Местные привыкли считать её странностью земной почвы. Нер видел похожие сооружения возле марсианских переходных узлов.

Он направил камеру в сторону площадки.

В тот же момент на поверхности появилась световая черта.

Короткая, тонкая.

Она погасла прежде, чем он успел изменить фокус.

— Ты видел? — спросил Нер у Данны.

— Нет. Записал?

— Должен был.

Он проверил камеру. На одном кадре действительно обнаружилась линия. Нер сохранил исходный файл, отправил его Данне и в общую папку наблюдений.

Потом заставил себя отойти от ограждения.

Самым трудным оказалось не выполнять знакомое действие — не подходить ближе.

* * *

Лайа пришла в мастерскую после темноты.

Она уже видела кадр с площадки и хотела сравнить его с марсианским архивом. Нер подготовил три независимые записи сигналов, но, когда она попросила открыть восточную станцию, невольно задержал руку.

Лайа заметила.

— Можем начать с другого материала.

— Нет. Давай.

Он включил звук.

Из динамика слышался знакомый треск, гул вентиляции и часть голоса, который Нер умел узнавать даже сквозь плотные помехи.

Лайа не стала сразу давать заключение.

Она прослушала запись до конца. Потом ещё раз. Сравнила лишь служебную часть пакета.

— Общий заголовок, — сказала она.

Нер кивнул.

— Да.

— Возможно, в нескольких поколениях старой сети использовали одну и ту же процедуру пробуждения.

— Возможно.

— Или кто-то вызывает у узлов ответ с этим заголовком.

— Да.

Они работали молча ещё час.

Лайа нашла слабый предварительный импульс, который не попадал в обычные графики из-за настройки фильтра. Каждый раз он предшествовал пакету. После прекращения этого импульса старые посты почти сразу замолкали.

— Похоже, это не свободное вещание, — сказала она. — Узлы отвечают на общий вызов.

— Но кто вызывает?

— Пока неизвестно.

Нер продолжал изучать разницу между старой и новой последовательностями.

Лайа положила руку на край стола.

— Мне кажется, я всё время объясняю тебе, почему это может быть не Марс.

— Потому что объясняешь.

— Прости.

Он устало улыбнулся.

— Я сам объясняю себе то же самое. Только от чужих слов становится больше.

Они сделали паузу.

Потом Лайа сказала:

— Знаешь, я не боюсь, что ты надеешься. Я боюсь, что надежда заставит тебя однажды открыть канал, даже если он окажется опасным.

Нер посмотрел на неё.

— А ты никогда не делала опасных вещей ради того, кого не могла оставить?

Лайа не ответила.

Нер опустил глаза.

— Вот. Поэтому я и не хочу сейчас решать один.

Перед полуночью они связались с Ареном.

Брат ответил сонным голосом и в первые несколько секунд явно не понимал, почему оба инженера требуют срочно включить экран.

— Что произошло?

Нер отправил сравнение.

— Мы получили одинаковый служебный пакет в нескольких точках одновременно. Заголовок совпадает со старой марсианской процедурой, которую использовала восточная станция.

На другом конце стало тихо.

Нер услышал, как Арен сдвинул что-то на столе.

— С какой станцией?

— С той самой.

Арен помолчал.

— Вы уверены, что это не повтор архива?

— Нет. Именно поэтому и звоним. Источник не установлен, но сеть активна здесь, на Земле. И когда пакет исчез, у нас появились новые температурные изменения возле старых узлов.

— Есть пострадавшие?

— Пока нет. Мы вывели учеников с башни вовремя.

Арен выдохнул.

— Пришлите все исходные данные. Не обработанные. И карту, где нашли холод.

— Уже отправили.

Лайа повернула камеру к снимку чёрной площадки.

На экране на долю секунды застыла световая линия.

Арен резко приблизился.

— Где это?

Нер назвал точку.

— Похожа на марсианский интерфейс, — сказал Арен.

— Но расположена под земной дорогой, — добавила Лайа.

Они смотрели на маленькую черту, которую нельзя было уверенно назвать ни сообщением, ни управляющим знаком.

Нер смотрел на запись. После рассказа Оллы он знал, что произошло с людьми Восточной. Но в этом шуме могла сохраниться та часть последнего разговора, которой не услышал никто на Земле.

Нер не спросил, можно ли вернуть погибших. Ему хотелось спросить, удастся ли дочитать последний журнал станции.

Вместо этого сказал:

— Завтра надо идти к Иве. Люди должны знать о новых узлах до того, как кто-нибудь решит вскрыть их сам.

Арен кивнул.

— Утром будем вместе.

Связь погасла.

Нер посидел ещё немного в тёмной мастерской.

Потом выключил архивную запись.

Приёмник у окна продолжал молчать.

Он оставил регистратор включённым.

Утром ему предстояло рассказывать о неизвестном сигнале людям, которые боялись замёрзнуть.

А самому хотелось спросить только об одном: продолжит ли когда-нибудь та давняя фраза звучать после девяносто второй секунды?

ГЛАВА 4. МАРСИАНСКАЯ ЗАПИСЬ

Запись длилась девяносто две секунды.

Не вся последняя связь с Восточной — только уцелевший конец. До него были запросы, чужие ответы, провалы звука, минуты ожидания. Прошло чуть больше года, но иногда Неру казалось, что остальное время было лишь короткими перерывами между двумя прослушиваниями.

В записи не было стука кружки.

Нер всякий раз слышал его первым.

Кружка стояла на земном столе, подложенном под его повреждённую ногу. Когда пришло сообщение с Марса, он дёрнулся и задел её локтем. Вода потекла по обёртке от бинтов. Рядом женщина из приёмной команды ловила листы, чтобы они не упали в грязь.

— Сядь, — сказала она.

— Я сижу.

— Тогда перестань вставать.

Он даже не заметил, что снова пытается подняться.

Рану стягивало при каждом движении. Из-под повязки шёл жар; ступня, наоборот, казалась чужой и холодной. Ещё недавно Нер управлял машиной, а теперь не мог сам переставить стул. Ногу повредило при том самом запуске, на котором Арен нарушил ограничение. Брат принёс его к медикам, помог переправить на Землю. Ни одно из этих действий не отменяло другого.

Снаружи проходили люди. Земная вода хлюпала под подошвами, кто-то кашлял, плакал ребёнок. Над столом висел лист с прибывшими группами. Ветер всё время загибал нижний угол.

На экране открылась копия марсианского диспетчерского журнала.

Восточная ремонтная станция была отмечена как вывезенная.

Ниже стоял номер грузовой машины.

— Это оборудование, — произнёс Нер.

Женщина не расслышала.

— Что?

— Они вывезли оборудование. Посмотри вторую графу.

Она придвинулась к экрану. Несколько секунд вглядывалась в мелкий текст, потом провела пальцем по бумажному списку.

Людей с Восточной в нём не было.

Нер запросил подтверждение. Не получил. Повторил запрос через ручную линию и услышал Вира.

Он узнал голос раньше, чем появилось имя. Когда-то они меняли антенну в тесном техническом кармане, где вдвоём было не развернуться. Вир всё время цеплялся плечом за выступ и ругался на проектировщика. Потом оказалось, что крепление по его же чертежу.

Нер помнил, как они смеялись.

Сейчас Вир говорил коротко, после каждой фразы набирая воздух.

— Мы ещё здесь.

— Сколько?

— Шестеро. Двое лежат. Откуда отметка, что вышли?

Нер посмотрел на номер грузовой машины.

— Ошибка в списке.

— Уберите её.

— Уже убирают.

— Нер. Не галочку. Нас.

Он не нашёл ответа, который можно было произнести сразу.

Арен с Данной проверяли путь со стороны марсианского узла. Нер видел их запросы в общем журнале. Обрушение в тоннеле, непроверенный обход, больше часа на дорогу даже без людей на носилках. У перехода оставались другие группы. Старую сеть трясло после работы в полном режиме.

Открыть ворота и добраться до шестерых было не одним и тем же.

Нер это понимал. Именно поэтому так злился, когда ему повторяли расчёт времени.

— Есть резервный насос, — сказал он Виру. — Вы пробовали поднять давление отдельно?

— Он гремит. Давления не даёт.

В разговор вмешалась Тиса, старшая смены:

— Присылайте порядок проверки. Только без команды на открытие. Мы не знаем, что у двери с той стороны.

Нер перевёл её на общий канал. Арен, Данна и Тал передали последовательность: проверить показания, осмотреть доступный участок, убедиться, что резерв действительно набирается. Не открывать заслонку по одному зелёному индикатору.

Тиса повторяла пункты вслух. На фоне кто-то кашлял так долго, что Нер перестал слышать её ответ.

Потом связь оборвалась.

Он вернул канал, опустил усиление, вновь поднял. Из динамика донёсся ровный скрежет. Насос.

Нер принял этот звук за хорошую новость. Ненадолго, на несколько секунд: если механизм работает, значит, запас ещё можно набрать. Ему требовался хоть один признак, что у людей осталось время.

Позже Олла скажет ему, что насос гонял пустоту.

Тогда он этого не знал.

Женщина возле стола на Земле протянула ему сухой лист. На верхней строке написала название станции и число людей.

Шесть.

— Есть ответ? — спросила она.

Нер поднял ладонь, прося не мешать.

С этой секунды начинался последний сохранившийся фрагмент.

Голос Тисы, обломанный помехой. Слова о запасе. Чужое дыхание возле передатчика. Низкий звук, который Нер сперва считал работой привода, а потом уже не мог уверенно отличить от треска стены.

В конце — три коротких импульса и один длинный.

Служебный заголовок успел повториться. Голос — нет.

— Восточная, ответьте.

Нер произнёс это на Земле. В архивной записи его слов не было: местный микрофон сохранялся отдельно.

Он всё равно слышал их каждый раз.

У переключателя нашёлся ещё один резервный путь. Нер перевёл приём на него, увидел чужую строку и почти обрадовался. Но это отвечал земной ретранслятор. Канал до Марса оставался пустым.

Он повторил вызов.

И ещё раз.

Когда женщина спросила, не нужно ли позвать Эссу, Нер велел ей замолчать. Сказал громко, зло, совсем не тем голосом, которым обычно разговаривал с незнакомыми людьми.

Она отошла.

Через несколько минут принесла другую кружку и поставила подальше от его локтя.

Он не поблагодарил. Потом долго не мог вспомнить её имени.

* * *

— Ты снова пропустил начало, — сказал Арен.

Нер остановил воспроизведение.

В мастерской было тепло. На подоконнике сохли перчатки Рина. За стеной мальчики спорили, можно ли назвать приёмник общим, если один принёс коробку, а другой — провод.

Арен сидел напротив, опустив руки между коленями. На столе стоял стакан, к которому он ещё не притронулся.

— Начало не сохранилось, — ответил Нер.

— Я про то, что ты сейчас рассказываешь. Ты начинаешь с последней минуты. А ошибка со списком появилась раньше.

— Я знаю.

— И тоннель обрушился раньше, чем мы нашли их.

Нер снял наушник.

— Ты опять объясняешь, почему не мог успеть.

Арен замолчал. Уже открыл рот для следующей фразы и закрыл.

На экране остановилась звуковая дорожка. Пустой участок после голоса Тисы был длиннее самого голоса.

— Да, — сказал Арен наконец. — Объясняю.

— Я не прошу придумать другой тоннель. И не говорю, что ты одним приказом закрыл им дверь. Я сам видел журнал.

— Тогда чего ты хочешь?

Нер опёрся ладонями о стол. Нога мешала сесть ровнее; он отодвинул стул слишком резко.

— Чтобы ты хоть раз дослушал и не начинал защищаться раньше тишины.

Арен посмотрел на наушник в его руке.

— Включи.

Они дослушали.

Нер не следил за лицом брата. Ему хватало того, что Арен не заговорил на девяносто второй секунде.

За окном кто-то окликнул Хара. Хлопнула дверь соседнего дома. Вода зашумела в трубе — обычная, дневная, пока ещё тёплая.

— Я думал, после второго исхода тебе станет легче, — сказал Арен.

— Мне стало.

Он ответил так быстро, что брат поднял глаза.

— Когда Олла вышла. Когда Вит оказался здесь. Конечно, стало. Ты думаешь, я этого не помню?

— Нет.

— Потом Вит умер. А Олла назвала четверых. И теперь все смотрят на меня так, будто надо закрыть папку.

Арен придвинул к себе стакан, но пить не стал.

— Она не просила тебя её закрывать.

— Знаю.

— И снова искать их живыми она тоже не просила.

Нер посмотрел на брата.

Эта фраза попала точно, и от этого захотелось ответить чем-нибудь злым.

— Я не ищу их живыми, — сказал он. — Я пытаюсь понять, что у них произошло.

— А если новый пакет ничего не объяснит?

Нер пожал плечом.

Ему хотелось сказать: тогда будет следующий. Он удержался.

* * *

Олла ответила не сразу.

Лайа успела подключить общий экран и проверить звук; Арен отошёл к окну. Нер вдруг понял, что страшится разговора сильнее, чем плохого сигнала. С записью можно было оставаться сколько угодно. Живой человек имел право сказать, что устал.

Олла появилась на экране в рабочем фартуке. На её столе лежала стопка ткани. Она сняла с плеча нитку, посмотрела на них.

— Что случилось?

Нер рассказал о новом заголовке. Коротко, без подробностей о том, сколько раз проверил совпадение.

Олла слушала, не перебивая.

— Голос есть? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем ты говоришь «они»?

Нер посмотрел на собственную запись в журнале. Там действительно было: «Возможный ответ Восточной».

— Я имею в виду станцию.

— Так и пиши.

Она поправила камеру. Изображение дрогнуло, открыв край стены, полку с двумя чашками, пустой стул.

Нер знал, чья была вторая чашка.

— Я не сомневаюсь в том, что ты рассказала, — произнёс он.

— Тогда не заставляй меня рассказывать ещё раз.

— Не буду.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Олла спросила, сохранился ли звук насоса. Нер показал нужное место на дорожке, не включая.

— Вот здесь?

Олла кивнула.

— Вит всё время возвращался к нему. Думал, если остановить и запустить ещё раз, он поднимет давление. Я тащила его от двери за одежду. До сих пор вижу, как рукав порвался.

Нер убрал руку от кнопки.

— Я тогда услышал, что насос заработал.

— Он работал. Только воздуха от этого больше не становилось.

Олла отвела взгляд.

Лайа сделала шаг к экрану, но ничего не сказала.

— Мы нашли другой ход, — продолжила Олла. — Это ты тоже знаешь. Я не хочу, чтобы получилось, будто мы сидели у передатчика и ждали, когда вы нас вспомните. Мы искали. Возвращались за теми, кто не шёл. Пробовали ещё раз.

— Я так не думаю.

— Тогда рассказывай именно это.

Она назвала Вира и Тису. Потом ещё двоих — тех самых, чьи имена уже были в свидетельстве, переданном Арену после второго перехода. Нер открыл список, хотя знал его наизусть. Под каждым именем стояла дата уточнения.

Четверо погибли на Марсе.

Вит умер на Земле.

Олла была здесь, смотрела на него с экрана и ждала, пока он перестанет искать слова за неё.

— Если получится разобрать журнал, — сказала она, — пришли сначала мне. Я хочу сама решить, стану ли слушать.

— Хорошо.

— А сейчас мне надо закончить работу. Людям обещали вещи к вечеру.

Нер кивнул.

После отключения связи он долго не закрывал пустое окно.

— Она сердится, — сказал он.

— Да, — ответила Лайа.

— И имеет право.

Лайа не стала подтверждать очевидное. Подвинула ему лист, на котором были сопоставлены времена трёх новых приёмов сигнала.

Работа оставалась. Просто теперь у неё было правильное название.

* * *

Новый пакет не повторял всю запись Восточной. Совпадали служебные импульсы, которыми старые устройства начинали обмен. Такой заголовок мог сохраниться и в другом узле.

Лайа показала два графика.

— На башне температура упала после приёма. На старой площадке появился свет. Оба события записаны независимыми приборами.

— Источник на Марсе? — спросил Арен.

— Пока не установлен.

Нер придвинул экран.

Вчера он первым делом увеличил участок, похожий на последний вызов Вира. Сейчас увидел соседние строки: три земных поста, три разных устройства, почти одинаковая задержка.

— Это может быть внутренний опрос сети, — сказал он. — Узлы проснулись и проверяют друг друга старым способом.

— А архив Восточной?

— Помог узнать протокол. Не доказал, что там кто-то отвечает.

Арен провёл пальцем по линии падения температуры.

— Значит, опасность здесь.

— Здесь мы уже видели лёд, — сказала Лайа. — Дальше покажем только то, что записано.

Нер открыл подготовленное сообщение. Убрал выражение «ответ станции». Написал: «Получен служебный пакет с марсианской маркировкой. Источник не установлен».

Потом приложил исходные файлы.

Ему не стало спокойнее от точной формулировки. Зато в ней не было обещания, которое придётся разбивать об Оллу ещё раз.

* * *

На площади собирались люди.

Ива открыла общественный зал после предупреждения о новых холодовых участках. Кто-то принёс план водопровода, кто-то банку с погибшей рассадой. Женщина у дверей требовала объяснить, почему детям запретили ходить старой дорогой, а новый маршрут никто не показал.

Хар спорил с Келем возле ступеней.

— Мне надо полить сегодня, — говорил он. — Не после вашего исследования.

— А если линия забирает тепло?

— Тогда скажи, где брать воду.

Кель увидел братьев и замолчал.

Нер перехватил тяжёлую сумку с регистраторами. Арен потянулся помочь, но остановился, дождавшись взгляда. Нер передал ему сумку.

— Есть что-нибудь? — спросил Кель.

— Совпадение сигналов на трёх постах, — ответил Нер. — И старый протокол, которым они пользуются. Причину похолодания ещё надо проверить.

— Опять надо ждать?

Хар говорил без злости, и от этого вопрос прозвучал тяжелее.

— Ограждения и обход для воды ждать не будут, — сказал Арен. — Это делаем сейчас.

А запись разберём вместе с вашими техниками.

Ива позвала их в зал.

У порога Нер остановился.

— Ты сегодня сможешь сказать, чего не проверил?

Арен посмотрел на него. Раньше в этом вопросе он слышал бы только обвинение.

— Смогу.

— Даже если спросят про полный режим?

— Особенно если спросят.

Нер кивнул и прошёл к экрану.

В сумке лежал архив Восточной. Девяносто две секунды не стали короче от того, что они наконец назвали судьбы людей своими именами. Но теперь рядом с файлом было свидетельство Оллы, и Нер не собирался больше рассказывать одну половину истории вместо всей.

Он подключил регистратор.

В зале перестали разговаривать.

ГЛАВА 5. КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН

Кель не сел на приготовленную для него скамью.

Он стоял возле карты, прикреплённой к доскам у дальней стены, и ждал, пока Арен закончит рассказ. Дважды поднимал руку, но Ива просила его дать договорить. В третий раз он перестал ждать.

— Сколько людей должно замёрзнуть, прежде чем вы разрешите отключить эти штуки?

В зале стало тихо.

Арен повернулся от экрана.

— Мы не знаем, что произойдёт после отключения.

— Зато уже знаем, что происходит, когда оставляем включёнными.

Кель указал на три красные отметки.

— Поле Хара. Теплица. Колодец. Вы же сами сказали, что все они стоят возле старых линий.

— Возле линий, которые мы предполагаем связанными с древней сетью, — поправила Лайа.

Кель даже не посмотрел на неё.

— Когда у меня лопнула труба, ваш осторожный словарь мне не помог.

Несколько человек поддержали его. Кто-то крикнул, что надо выкапывать старые узлы. Другая женщина потребовала объяснить, кто вообще разрешил марсианам трогать древнюю сеть при переселении.

Ива ударила ладонью по столу.

Не очень громко, но достаточно, чтобы остановить разговор.

— Здесь никто не будет выкрикивать обвинения из последнего ряда. Если у вас есть сведения, выйдите и расскажите. Если есть предложение, объясните, что именно собираетесь делать и кто отвечает за последствия.

Она повернулась к Келю.

— Продолжай.

Кель взял мел.

На карте северной долины он отметил площадку старого регулятора. Устройство нашли ещё до прибытия марсиан. Местные инженеры обследовали наружные соединения, но не вскрывали основной корпус: металл не поддавался стандартному инструменту, а попытки включить его в существующую сеть заканчивались непонятными ошибками.

— Отсюда идёт старая линия, — сказал он. — А здесь наша распределительная. Если поставить размыкатель на доступном участке, можно физически отделить посёлок от неизвестного контура.

Арен изучил обозначения.

— Отделить вашу распределительную сеть от вашего же оборудования — да. Но подземный регулятор продолжит работать.

— Тогда перекроем его внешний канал.

— Если это канал подачи. А если сброса?

Кель повернулся к нему.

— Объясни.

Арен подошёл к карте.

— Представь, что есть три резервуара с водой и автоматика, поддерживающая уровень. Если закрыть одну линию, вода не исчезнет. Давление пойдёт по оставшимся. Ты можешь остановить затопление у себя и вызвать его у соседа.

— Мы говорим не о воде.

— Мы говорим о системе с неизвестными связями. Аналогия показывает только риск переноса нагрузки.

— А мне кажется, аналогия удобна, когда нужно сказать людям ничего не трогать.

Арен почувствовал, как напряглась шея.

Он уже видел подобные собрания. На Марсе их проводили в последние месяцы, когда оборудование начало отказывать быстрее, чем инженеры успевали его восстанавливать. Люди приходили за ясным решением. Учёные отвечали вероятностями. Потом кто-нибудь требовал взять ответственность и нажать единственную доступную кнопку.

Арен знал, чем это иногда заканчивалось.

— Я не прошу вас ничего не делать, — сказал он. — Я прошу не разрушать систему, которую пока не понимаем.

— А я прошу не заставлять нас жить рядом с ней без права защищаться.

Ива указала на свободное место.

— Кель, покажи, где находятся ближайшие жилые дома.

Он отметил несколько точек.

Одна стояла совсем близко к регулятору.

— Мой дом, — сказал он.

Кто-то в зале тихо произнёс его имя.

Кель не обернулся.

— Там живут моя жена и сын. Больше никого.

Он поставил мел на стол.

Этой короткой фразы оказалось достаточно. Те, кто знал Келя, опустили глаза. Те, кто не знал, поняли, что продолжения не будет.

Арен не стал отвечать первым.

Данна поднялась со своего места.

— Я отвечаю за безопасность полевых работ. Сейчас у нас нет подтверждённого способа безопасно отключить регулятор. Но можно проверить доступные каналы, не изменяя их состояние, и подготовить эвакуационные маршруты.

— Кто даст разрешение? — спросил Кель.

— Жители затронутых районов. После открытого обсуждения рисков.

— А пока мы будем считать дни?

— Пока будем собирать данные так, чтобы не создавать новую аварию.

Кель посмотрел на неё дольше, чем на остальных.

— Если ты действительно запретишь марсианам включать что-нибудь без согласования, я готов участвовать в проверке.

Данна не отвела взгляда.

— Я запрещу это всем. И тебе тоже.

Несколько человек засмеялись; напряжение на мгновение ослабло.

Но Арэн видел, что Кель воспринимает условие всерьёз.

Хар встал у прохода.

— Мне бы хотелось знать, кто заплатит за мои поля, пока вы собираете данные.

Ива обернулась к Рале.

Та уже держала список потерь.

— Составим отдельный реестр. Не обещаю возмещения завтра, но никто не будет вынужден доказывать через полгода, что урожай действительно погиб. Фотографии, измерения и свидетели сохраняются сейчас.

— Я не хочу милостыню, — сказал Хар.

— Тогда называй это общей ответственностью, — ответила Рала.

Хар кивнул, хотя лицо осталось мрачным.

После собрания люди не спешили расходиться. Разговаривали возле карт, спорили о маршрутах, рассматривали фотографии инея. Несколько землян подошли к Неру и попросили показать сигналы. Он включил запись и честно объяснил, где заканчиваются подтверждённые совпадения.

Рин и Ато сидели на крыльце, пока Мирр помогала составлять медицинские рекомендации.

— Они всё время ссорятся, — сказал Ато.

— Потому что боятся, — ответил Рин.

— Я тоже боюсь, но не кричу.

— Ты кричал, когда мост упал.

— Это другое.

Рин посмотрел на дорогу.

— Если там под землёй машина, почему она холодит именно возле домов?

Ато задумался.

— Может, не знает, что дома здесь.

Рин долго молчал.

— Тогда надо сказать ей.

Внутри здания Арэн и Лайа собирали оборудование.

— Ты хотел удержать собрание под контролем, — заметила она.

— Я хотел не дать людям совершить ошибку.

— Не всем людям. Келю.

— Его план опасен.

— Тогда докажи это. Он имеет право спорить.

Арэн захлопнул ящик.

— Имеет. Но если кто-нибудь погибнет из-за его вмешательства, право спорить нам не поможет.

Лайа подошла ближе.

— Знаешь, что я услышала сегодня? Ты говоришь так, будто у тебя одного есть прошлое, которое нельзя повторить.

Он посмотрел на неё.

— Это несправедливо.

— Наверное. Но ты сейчас очень похож на человека, которому уже однажды не дали времени объяснить сложную вещь, а он до сих пор пытается договорить её до конца.

Арэн не нашёлся с ответом.

Лайа коснулась его плеча.

— Я не прошу тебя забыть Марс. Я прошу увидеть Землю.

За дверью кто-то громко засмеялся.

Арэн поднял взгляд.

В конце коридора Кель помогал пожилой женщине нести тяжёлую корзину. Делал это спокойно, без следа прежней злости. Потом поправил покосившуюся доску на крыльце и ушёл к машине.

Арэн понял, что уже успел превратить его в опасного противника, хотя на самом деле почти ничего о нём не знал.

На следующий день они встретились у северной распределительной станции.

Кель приехал заранее и успел снять наружные крышки. Данна проверила отсутствие опасного напряжения, прежде чем разрешить осмотр.

— Я ничего не отключал, — сразу сказал Кель.

— Пока, — ответил Арэн.

— Пока ты не придумал, как обвинить меня?

— Пока мы не составили общую схему.

Кель усмехнулся.

Работу начали с того, что Данна отключила человеческую распределительную линию от местного питания и проверила отсутствие напряжения на доступных клеммах. Кель наблюдал молча. Арен принёс переносной регистратор температур, но ему пришлось несколько минут подбирать крепление: к земному бетонному основанию не подходили марсианские штатные зажимы.

— Дай сюда, — сказал Кель.

Он достал из сумки две обычные металлические скобы и короткий деревянный брусок.

— Некрасиво, зато не упадёт.

Арен хотел сказать, что корпус прибора нельзя прижимать к металлу, способному сильно охлаждаться. Но Кель уже подложил деревянную прокладку между основанием и прибором.

— Изолировал, — сказал он, заметив взгляд.

— Вижу.

Кель усмехнулся.

— Наверное, впервые за утро.

Они установили три датчика. Один — возле старого внешнего канала. Второй — у человеческой водной линии. Третий — на независимой стойке в нескольких метрах от станции, где почва выглядела обычной.

Данна потребовала сначала собрать исходный фон. Никаких команд древнему устройству не подавали. Не открывали внутренних панелей, не касались гладкой тёмной поверхности основного корпуса. Работали только с земным оборудованием, которое находилось рядом.

Через четверть часа первый датчик показал медленное снижение температуры.

— На два градуса, — сказал Кель.

— Прибор может дрейфовать, — ответил Арен.

— Тогда поменяем их местами.

Он снял регистратор с внешней опоры и перенёс на соседнюю. Арен поставил второй прибор на освободившуюся точку. Через несколько минут оба подтвердили разницу температур.

— Значит, не дрейф, — сказал Кель.

Арен кивнул.

За соседним забором гремела посуда. Оттуда пахло хлебом. На площадке у станции было тепло, ветер едва шевелил высокую сухую траву. И только на внешнем корпусе старой установки температура менялась без понятной причины.

— Попробуем отключить нашу линию, — предложил Кель.

— Она уже отключена.

— Основное питание — да. Но рядом есть вспомогательный контур, связанный с насосной. Если старый регулятор каким-то образом использует его, должны увидеть изменение.

Арен развернул схему.

Линия действительно проходила через отдельный земной шкаф. Технически её можно было изолировать без вмешательства в древнюю станцию.

— Данна, — позвал он.

Она проверила клеммы и указала на предохранитель.

— Это допустимый диагностический шаг, если подтвердим, что не затронем жизненно важное оборудование.

Кель связался с дежурным насосной. Получил подтверждение, что водоснабжение работает от другой ветви. Только после этого они сняли питание вспомогательного участка.

Температура древнего корпуса продолжала изменяться.

Никакого скачка.

Никакого прекращения цикла.

Кель смотрел на прибор, хмуясь.

— Значит, не отсюда берёт энергию.

— По крайней мере, не из этой линии, — ответил Арен.

— И не из той, что идёт через наше распределительное.

— Пока не доказано. Но прямо сейчас она не реагирует на отключение.

Кель посмотрел на тёмную поверхность станции.

— Тогда откуда?

Арен развернул карту старых коммуникаций.

Под ними проходила линия неизвестного назначения. Она уходила к жилым кварталам, затем исчезала из человеческих планов.

— Возможно, подземная магистраль.

— Насколько глубокая?

— Не знаю.

— И где заканчивается?

— Тоже.

Кель выдохнул.

— Зато теперь ясно, что наш местный шкаф не главный.

Арен удивился тому, что Кель не рассердился.

Он ожидал нового спора об отключении.

Но тот уже делал заметку на бумажной карте.

— Если источник не здесь, надо проверить, куда уходит нагрузка, — сказал Кель. — У соседней дороги старый бетонный лоток. Его засыпали, когда меняли водопровод. Помнишь?

Арен не помнил.

Он попросил показать.

Кель провёл по карте пальцем. Лоток шёл параллельно неизвестной линии, затем поворачивал к кварталу старых домов. На двух участках был нанесён знак человеческого ремонта. Люди когда-то вскрывали землю и обнаруживали под ней гладкий металл, но дальше копать не стали.

— Ты был там? — спросил Арен.

— Да. Мы тогда прокладывали новую трубу. Сначала думали, что наткнулись на старый фундамент. Потом поняли, что резать его нельзя.

— Почему?

— Инструмент перегревался, а металл почти не повреждался. Решили обойти.

Арен посмотрел на обозначение.

Похожие свойства имели некоторые элементы переходной марсианской сети. Но говорить о совпадении было рано.

— У тебя сохранились фотографии?

— Возможно. В архиве районной насосной.

— Давай запросим.

Кель достал переговорное устройство и попросил старшего дежурного поискать старые записи. Затем без напоминания восстановил питание земного вспомогательного канала в прежнем положении и проверил, что насосная снова видит оборудование.

Данна отметила действие в журнале.

Арен заметил, что сам обычно завершал такие операции иначе: сначала убеждался в восстановлении параметров, потом фиксировал результат. Кель записывал каждый шаг ещё до его выполнения и после обязательно сравнивал фактическое состояние с исходным.

Ничего необычного для хорошего земного инженера.

Но Арен вдруг понял, что всё утро мысленно ожидал от него некомпетентного поступка лишь потому, что тот вчера требовал отключить старую сеть.

— Почему ты всё записываешь вручную? — спросил Арен.

Кель показал на планшет.

— Электронный журнал удобен, пока работает. А когда устройство неожиданно отключается, бумага хотя бы не начинает утверждать, что никакого события не было.

Арен улыбнулся.

— Нер сказал бы почти то же самое.

— Твой брат?

— Да.

Кель поставил отметку времени в блокноте.

— Значит, с ним было бы проще договориться.

— Не уверен.

— Почему?

— Потому что он всегда проверяет мои расчёты.

— А ты не любишь?

Арен посмотрел на него.

— Не всегда.

Кель впервые за утро рассмеялся по-настоящему.

Они завершили внешний осмотр, не получив ответа о природе старой установки. Однако теперь у них были независимые измерения, данные о локальном температурном цикле, сведения о неизвестных подземных линиях и подтверждение, что отключение доступного человеческого питания не изменяет поведения древнего корпуса.

Это не позволяло безопасно выключить систему.

Зато позволяло перестать спорить на уровне предположений.

Когда Кель присел на край бетонного основания и достал флягу, Арен уже относился к нему не как к человеку, готовому в любую минуту сломать неизвестную машину, а как к коллеге, который умеет работать с тем, чего не понимает до конца.

Кель задержался у бетонного основания, крутя в руках флягу.

— В ту ночь я тоже думал, что всё успеем, — сказал он неожиданно.

Арен не переспросил.

— Дочь проснулась от холода. Я сначала решил, что сломалось отопление. Потом увидел белый налёт на стене. Температура падала так быстро, что мы не успевали одеваться.

Он сделал глоток.

— Жена взяла девочку. Я — сына. Дорога была скользкая. Мы шли в темноте, потому что фонарь сел. Я всё время говорил ей: ещё немного, скоро будет тепло.

Кель закрыл флягу.

— Потом девочка перестала отвечать.

Арен смотрел на корпус станции.

— Мне жаль.

— Я не рассказываю это ради сочувствия.

— Понимаю.

— Нет. Ты должен понять другое. Когда люди говорят мне, что лучше не трогать непонятное оборудование, я слышу: иди домой и жди, пока оно снова заберёт кого-нибудь.

Арен опустил глаза.

— Если мы отключим не тот канал, это может произойти у соседей.

Кель кивнул.

— Возможно. Но теперь ты понимаешь, почему мне недостаточно одного этого слова.

Они долго сидели молча.

Потом Кель поднялся.

— Завтра привезу старые схемы. Те, что остались после первой аварии. Посмотрим вместе.

Арен тоже встал.

— Хорошо.

Кель протянул ему руку.

Это не было примирением. Скорее признанием, что спор нельзя закончить, прежде чем они поймут устройство неизвестной системы.

Арен пожал её.

В этот момент у Данны зазвонил прибор.

Она находилась внутри станции. Голос прозвучал резко:

— Оба сюда. Быстро.

На экране нового датчика появилась запись температурного провала.

Не на наружном регуляторе.

Под жилым кварталом, куда вели несколько старых подземных линий.

Граница охлаждения ещё не вышла на поверхность, но двигалась.

Они увидели, как неизвестный процесс меняется во времени, словно готовился выполнить следующую часть давно составленной программы.

ГЛАВА 6. СОРОК ОДИН ДЕНЬ

Первые три часа никто не произносил вслух число.

Лайа вывела запись на большой экран. Нер подключился из мастерской. Данна проверяла, совпадает ли новый температурный провал с показаниями независимых приборов. Арен пытался сопоставить изменения с последовательностью старого марсианского сигнала.

Кель стоял у окна.

Внизу виднелись жилые дома — те самые, под которыми сейчас обнаружили холодный участок. Люди ходили по улице с корзинами и инструментами, не подозревая, что в нескольких метрах под землёй температура изменилась настолько резко.

— Если это снова круг, мы хотя бы знаем, где он появится? — спросил Кель.

— Пока не знаем, выйдет ли он на поверхность, — ответила Данна.

— Но точку можно рассчитать?

Арен передвинул отметку на карте.

— Здесь проходит один из предполагаемых каналов. Если охлаждение продолжит подниматься, оно выйдет под старой мастерской.

Кель посмотрел на карту.

— Там сейчас люди.

Данна взяла переговорное устройство.

— Временное ограждение. И предупредите мастерскую, что работы прекращены до обследования.

— Опять эвакуация по подозрению? — спросил кто-то по связи.

— Да. Приказ от службы безопасности. Основание — подтверждённая аномалия температуры под зданием.

Арен слушал, как Данна отдаёт распоряжения. Она не обещала, что беда обязательно случится. Но и не пыталась избежать неудобного действия ради того, чтобы сначала получить стопроцентное объяснение.

Он понял, что именно этого ему не хватало на прошлых совещаниях.

Нер прислал новую таблицу.

На ней повторялись несколько коротких периодов активности. Данные поступали с разных постов. Если наложить их на старую последовательность древней сети, получался рисунок, который Лайа сначала приняла за диагностический цикл.

Теперь стало видно, что каждый повтор постепенно смещал систему к следующему состоянию.

— Здесь не просто случайное включение, — сказала она. — Это подготовка.

— К чему? — спросила Данна.

Лайа показала длинный ряд чисел. Часть их была повреждена, часть удалось восстановить по повторяющимся контрольным значениям.

Нер проверил математическую последовательность независимо.

— Интервал между контрольными событиями сокращается, — сказал он. — Но основной цикл остаётся постоянным. Если наша интерпретация верна, есть конечная дата.

— Назови, — попросила Ива, появившаяся на связи.

Нер молчал несколько секунд, перепроверя единицы.

— Сорок один день от сегодняшнего дня. С погрешностью, которую мы пока оцениваем больше чем в сутки.

— До чего? — спросила Ива.

Лайа медленно выпрямилась.

— До смены режима. Скорее всего, средовые регуляторы попытаются перейти в другое устойчивое состояние.

Кель нахмурился.

— На человеческом языке.

Арен ответил:

— Если это действительно климатический контур, он может начать изменять температуру на гораздо большей площади. Не отдельные круги, а целые зоны.

Ива посмотрела на карту поселений.

— Какие?

Нер выделил три долины.

В одной жили преимущественно земляне.

Во второй находилось смешанное поселение.

Третья включала старые фермы и склады, от которых зависело снабжение соседних районов.

В комнате стало тихо.

Ива не отвела взгляда от экрана.

— Это прогноз или подтверждённая цель программы?

— Прогноз, — ответила Лайа. — Мы не знаем, что именно означает новый режим. Но совпадение географии с древними линиями достаточно серьёзное, чтобы готовиться к худшему.

— То есть сорок один день у нас может быть, а может и не быть.

— Да.

Ива долго молчала.

Потом повернулась к Данне:

— Начинай план эвакуации. Не приказ покидать дома. Подготовку, чтобы люди могли уйти, если понадобится.

Данна кивнула.

Кель ударил ладонью по подоконнику.

— Мы собираемся увозить три долины вместо того, чтобы отключить один регулятор?

— Один регулятор уже показал нестабильность, — сказала Данна. — Это не даёт нам права предполагать, что он единственный.

— Тогда ищите остальные.

— Ищем.

— Быстрее.

Он вышел.

Арен хотел последовать за ним, но Нер остановил его по связи.

— Секунду. Посмотри вот это.

В архиве обнаружилась маркировка, которую прежде не удавалось связать с известным узлом: сочетание старого сетевого кода и группы координат. Она не совпадала ни с одной марсианской станцией. Но относилась к тому же технологическому семейству.

— Адрес? — спросил Арен.

— Возможно. Не весь. Нужно восстановить контрольный блок.

— Зачем он здесь?

— Если это адрес, он может вести к центральной части сети. К тому, кто или что выдаёт команды.

Лайа посмотрела на карту древних линий.

— Тогда пока рано разбирать отдельные регуляторы. Нам нужен источник управления.

Данна подняла руку.

— И независимо от поиска источника нам нужно знать, сколько людей удастся вывести до того, как окажутся перекрыты дороги.

Ей ответила Мирр.

Она пришла с медицинскими списками.

— В трёх долинах больше семей, чем мест в существующих убежищах. Есть люди, которых нельзя перевозить без сопровождения. Если погода и дороги будут меняться быстро, обычный транспорт не справится.

Рала принесла свои расчёты.

Они оказались ещё хуже.

Запасов еды на короткую эвакуацию хватало. На длительное переселение — нет. Тёплых помещений тоже было недостаточно. Один из складов стоял как раз в прогнозируемой зоне.

— Срок строительства новых пунктов — несколько недель, — сказала она. — Если начнём сейчас и получим материалы, успеем подготовить часть мест. Не все.

Ива просмотрела цифры.

— Тогда надо разделить задачу. Сначала те, кого невозможно вывезти в последний момент. Потом резервные маршруты. Потом склады.

— Ты предлагаешь отправить людей из домов раньше, чем мы подтвердили опасность? — спросил Хар.

— Предлагаю узнать, кто готов временно переехать добровольно. И объяснить почему.

Хар почесал бороду.

— У меня пожилая мать. Она не уедет, если ей просто сказать, что когда-нибудь может стать холодно.

— Тогда я поговорю с ней, — сказала Мирр.

К вечеру они составили первые списки.

Мирр обошла семьи, где были маленькие дети и пожилые люди. Рала проверяла, в каких домах можно принять гостей. Хар искал места для временного хранения зерна. Ода осматривала новые теплицы и считала, сколько рассады можно перенести без потерь.

Нер разослал инструкции ученикам: сохранить независимые записи всех постов, не вносить вручную исправления в сырые данные, при пропадании связи использовать резервные каналы.

Все работали.

И всё равно казалось, что работа ничтожно мала по сравнению с размером угрозы.

Вечером Арэн пришёл к Хару.

Тот стоял у поля с пустыми ящиками.

— Вozить собираешься? — спросил Арэн.

— Часть семян. На всякий случай.

— Могу помочь.

— Уже помогаешь, когда не мешаешь считать.

Арэн взял ящик.

Хар посмотрел на него.

— Слушай, я ведь не считаю, что вы специально принесли сюда беду.

Арэн остановился.

— Но?

— Но теперь беда здесь. А вы чаще других понимаете старые машины. Значит, чаще других придётся отвечать на наши вопросы.

— Это справедливо.

— Тогда отвечай честно. Если через сорок один день ничего не случится, что будет с людьми, которые сейчас потратят время, силы, зерно и деньги на переселение?

Арэн посмотрел на ящик.

— Мы потеряем часть запасов и времени. Но сможем вернуться.

— А если случится и мы не подготовимся?

— Можем потерять людей.

Хар кивнул.

— Вот. Так и говори на собрании.

Они молча перенесли ящики к складу.

На обратном пути Арен увидел Рина и Ато у школьной канавы. Старый мост возле холодного пятна оставался за взрослым ограждением; здесь мальчишки строили новый. Поперёк подхода они положили длинную палку и привязали к ней тряпку.

— Зачем ограждение? — спросил Арен.

— Опору ещё не закрепили, — ответил Ато. — Нельзя пока ходить.

Рин показал на землю.

— А когда станет безопасно, снимем.

Арен кивнул.

Арен проверил берег: он оставался сухим и тёплым. Показал, куда лучше забить колышек, чтобы никто не переступил через палку по привычке. Рин тут же принялся искать молоток. Этот мост хотя бы можно было сделать безопасным до того, как на него ступит человек.

Ночью пришло сообщение из верхнего поселения.

На старом водопроводе, который днём считали безопасным, температура за несколько минут упала ниже нуля. Дежурный успел перекрыть воду. Но рядом находился жилой дом, и по его стене уже распространялся иней.

Мирр подняла аварийную группу.

Арен и Данна приехали одновременно.

Дом стоял на небольшом склоне. У крыльца собрались соседи. Женщина внутри пыталась вывести двух детей, но дверь заклинило: наружная металлическая скоба покрылась толстым слоем льда.

— Не дёргайте! — крикнула Данна.

Она проверила температуру. Касаться металла открытой рукой было опасно.

Арен достал инструмент.

Пока он снимал крепление, Хар подставил под нижнюю часть двери деревянный клин. Кель, приехавший с другой стороны долины, принёс ручной рычаг и без слов помог освободить скобу.

Дверь открылась.

Женщина выбежала первой. За ней — дети, завернутые в одеяла.

Мирр немедленно увела их к машине.

— Сколько времени было холодно? — спросила она у матери.

— Не знаю. Сначала заскрипела стена, потом дети начали плакать.

— Все вышли?

— Да.

Данна ещё раз осмотрела помещение, не переступая безопасной границы.

— Закрываем зону до обследования.

Кель стоял рядом с Ареном.

На его лице не было прежней злости.

— Видишь? — сказал он тихо. — Это случается без предупреждения.

— Вижу.

— Тогда нам действительно нужно найти, что там под землёй.

— Да.

Кель посмотрел на старый трубопровод, уходивший под дом.

— И если придётся его отключить?

Арен помолчал.

— Сначала узнаем, что отключаем. Но не будем ждать, пока пострадают ещё люди.

Кель медленно кивнул.

На улице было тепло. Ветер приносил запах сырой травы. Иней на стене дома не таял.

Данна нанесла новую отметку на карту.

— Ещё один жилой дом в опасной зоне, — сказала Данна. — Нужны адрес и безопасный подход.

Теперь никто не спорил о том, нужно ли готовить эвакуацию. Спорили только о том, хватит ли на неё времени.

Перед рассветом Нер наконец восстановил контрольный блок неизвестного адреса.

На экране появилась древняя маркировка.

Она относилась не к Марсу.

К Земле.

И указывала туда, где по официальным картам давно не было ни действующих станций, ни населённых городов.

* * *

Утром в школьном зале расставили столы для регистрации. Их было четыре, и все оказались разными: длинный кухонный, две складные рабочие поверхности и небольшой письменный, который принесли из кабинета Ивы. На стене висела карта поселений. Данна распорядилась снять с неё старые отметки ремонтных бригад и оставить только дороги, мосты, источники воды и здания, способные принять людей.

— Получается, мы строим ещё одну карту, — сказала Ода.

— Нет, — ответила Данна. — Мы наконец делаем карту, на которой видно, кто и куда пойдёт, когда станет холодно.

Ода принесла список теплиц. Рядом с каждой указала не только число работников, но и сколько времени потребуется, чтобы вывести их наружу, если электричество пропадёт. Её аккуратные колонки не совпадали с данными строительного управления. По старым ведомостям в северной теплице числилось двенадцать человек; на самом деле там работали семь, а пятеро давно перешли в другое поселение.

— И вот из-за таких вещей я не люблю готовые схемы, — сказала она, придвигая лист Иве.

Ива посмотрела на исправления.

— Ты уверена в семерых?

— В дневной смене. Ночью остаётся один сторож. Но иногда он приводит дочь, потому что дома некому с ней сидеть.

Данна подняла голову.

— Это нужно записать отдельно.

— Запишу. Только не превращайте это в запрет для сторожа. Он тогда вообще перестанет сообщать, что ребёнок с ним.

Ива на мгновение задумалась, а потом зачеркнула пустую графу «нарушения» и написала вместо неё «фактическое присутствие».

Арен наблюдал за ними со стороны. На Марсе подобные приготовления тоже начинались с ведомостей и карт. Там одна неверная цифра могла оставить человека за закрытым шлюзом. Здесь шлюзов не было. Но неверная цифра никуда не исчезла — она только научилась выглядеть менее опасной.

Пришёл Хар. Он положил на стол два сложенных листа.

— Здесь мои поля и рабочие. Здесь те, кто может остаться без транспорта, если перекроют нижнюю дорогу.

Данна раскрыла второй лист. Против нескольких домов стояли не имена, а короткие замечания: «ходит медленно», «не слышит сирену», «после операции», «двое маленьких».

— Почему без имён? — спросила она.

— Они не хотят, чтобы об этом говорили при всех. Но если придётся вывозить, водителю надо знать, что ждать их у ворот бессмысленно. Нужно зайти внутрь.

Ива придвинула список к себе.

— Сделаем закрытую часть для тех, кто организует выезд. На общей карте будут только количество людей и способ помощи.

Кель появился позднее других. Он принёс старую земную схему распределительных труб и несколько листов с собственными измерениями. Положил их рядом с картой эвакуации, но не стал разворачивать.

— Это пока не пригодится, — сказал он Арену.

— Почему?

— На ней указано, куда идут трубы. Не указано, куда поедут люди.

Они вдвоём подошли к северному краю карты. Нижний мост был отмечен толстой синей линией. Кель поставил рядом карандашную точку.

— Если холод выйдет у мастерской, этот подъезд может стать непроходимым. Автомобили пойдут вдоль поля, но после дождя грузовики там вязнут.

— Ты проверял?

— Прошлой весной вытаскивал оттуда строительную машину. Двумя тракторами.

Арен взял линейку и провёл по карте другой маршрут.

— Можно через старую дамбу.

— Нельзя. Там несущая опора уже треснула. Два человека пройдут, автобус — нет.

Они некоторое время смотрели на бумагу. У Арен было неприятное ощущение: расчёты неизвестной подземной системы занимали у него все мысли, а опасность вполне обычного моста он даже не заметил.

— Значит, сначала надо укрепить дорогу через поля, — сказал он.

— И установить указатели, — ответил Кель. — В темноте люди поедут привычным путём. Даже если ты нарисуешь здесь самый правильный обход.

Неподалёку Мирр проверяла аптечки. Она отвергла половину содержимого одного из контейнеров: срок хранения вышел, несколько упаковок намокли, а в коробке с перевязочными средствами почему-то оказался набор для ремонта электрических контактов.

— Это Нер собирал, — предположил Арен.

— Значит, у него будет шанс объяснить, почему изолента лежит там, где должны быть бинты.

Мирр не улыбнулась. Она всё ещё помнила детей, которых вывела из промёрзшего дома. Ночью один мальчик просыпался и просил мать не закрывать окно: боялся, что снова перестанет чувствовать воздух. Мирр рассказывала об этом тихо, не при всех.

— Нам придётся готовить не только транспорт, — сказала она Арену. — После эвакуации людям нужен будет кто-то, кто сможет остаться рядом. Не диспетчер по связи. Не инженер с датчиком. Просто человек.

Арен кивнул. На Марсе он слишком часто отдавал распоряжения людям, которых потом больше не видел. Ему казалось, что он научился жить с этим. Здесь, среди школьных парт и исписанных листов, выяснилось, что научился лишь не произносить вслух некоторые имена.

К полудню Рин и Ато принесли нарисованные от руки указатели. На одном была стрелка и слово «МОСТ», на другом — такая же стрелка и слово «НЕ СЮДА». Второй понравился всем меньше.

— Почему «не сюда»? — спросила Ива.

— Потому что ночью не станут читать длинное объяснение, — ответил Ато.

Данна присела рядом с ним.

— Тогда сделаем понятнее. Красный знак поставим только там, где действительно нельзя ехать. А рядом — указатель безопасного пути. Иначе человек увидит запрет, остановится и не поймёт, куда дальше.

Рин посмотрел на карту.

— А если безопасный путь тоже станет холодным?

Никто сразу не ответил.

— Тогда должен быть ещё один, — сказала Данна.

Мальчики принесли третий лист.

К вечеру первая схема была готова. Она выглядела некрасиво: цветные линии пересекали карандашные пометки, некоторые дороги были перечёркнуты и заново обозначены в стороне. Над школой, складом и медицинским пунктом стояли цифры вместимости. Рядом с каждой цифрой кто-то оставил знак вопроса.

Кель долго рассматривал результат.

— На старых схемах ни одного вопроса не было, — заметил он.

— Там их просто не печатали, — ответил Арен.

Ива сняла карту со стены, чтобы передать копию в соседнее поселение. Под ней остался светлый прямоугольник на выцветшей краске.

— Не нравится мне, что мы готовимся уходить из собственных домов, — сказала Ода.

— Мне тоже, — произнёс Хар. — Но больше не нравится, когда об уходе начинают думать после того, как дверь примёрзла.

Поздно вечером Данна получила первое подтверждение от соседней общины. Их диспетчер согласился принять эвакуированных, но сообщил, что зимой свободных помещений будет вдвое меньше. Ива попросила сохранить сообщение без поправок и оптимистичных округлений.

На другой день должны были проверить дороги, распределить транспорт и провести учебный выезд без объявления аварии.

Арен вышел из школы последним. На крыльце стоял Кель, держа в руках свёрнутую трубную схему.

— Ты всё ещё думаешь, что отключать узлы рано? — спросил он.

— Думаю, что случайное отключение может погубить людей.

— А если мы научимся делать это безопасно?

— Тогда будем решать, какой узел и зачем отключать. Не все сразу.

Кель кивнул, будто именно такого ответа и ожидал.

— Завтра покажу тебе место у дамбы. Там можно провести временный объезд, если укрепить основание.

Арен посмотрел на тёплые окна школы.

— Пойдём утром.

— Не опаздывай. Пока мы спорим о древней технике, дорога сама себя не построит.

Они разошлись в разные стороны. На улице пахло мокрой древесиной и травой. Под землёй продолжала работать неизвестная система, но впервые за несколько дней Арен думал не только о том, как её понять. Он думал о людях, которым ещё до разгадки нужно было обеспечить возможность уйти и вернуться.

ГЛАВА 7. ТРЕТИЙ АДРЕС

Адрес состоял из семи групп знаков.

Нер восстановил пять. Шестая оставалась повреждённой, седьмая содержала контрольную сумму, которая совпала только после того, как Лайа изменила порядок чтения архивного блока. Они проверяли результат всю ночь, опасаясь, что случайная последовательность цифр слишком хорошо подходит к старой карте.

Утром на экране появилась точка.

Она лежала за грядой невысоких гор, там, где дорога уходила в покинутый ещё до прибытия марсиан город. Земные карты обозначали его без названия: серым пятном и предупреждением о разрушенных коммуникациях.

— Почему он покинут? — спросил Арен.

Ива принесла два старых отчёта. Один относился к эвакуации города, другой — к обследованию дороги несколько лет спустя. Оба были неполными.

— Сначала начали отказывать системы водоснабжения, — сказала она. — Потом появились холодные зоны. Жителей вывезли. Позже кто-то пытался вернуться, но не смог восстановить коммуникации.

— Погибшие были? — спросила Данна.

— Есть сведения о нескольких людях. Подтверждения не сохранились.

Кель наклонился к карте.

— Я бывал на восточной дороге. Не в самом городе — перед ним. Мост через ущелье обрушился, когда я был подростком. Объезд существует, но им давно никто не пользуется.

Арен увеличил снимок.

— Объезд проходим?

— Для лёгкого транспорта, если не пойдёт дождь.

— Тогда нам нужен проводник.

Кель поднял голову.

— Я еду.

Данна посмотрела на него.

— Кто сказал?

— Я.

— Это не назначение.

— Вы хотите найти старый узел. Я знаю дорогу и работал с местными станциями. Без меня потеряете день только на поиске прохода.

Она некоторое время изучала карту.

— Техническая квалификация есть. Но решение будет зависеть от состояния группы и плана безопасности.

Кель кивнул.

Он не пытался изображать благодарность.

Подготовка заняла весь день. Нер собрал два независимых комплекта связи и проверил, можно ли принимать сообщения из-за гряды. Отдельный небольшой ретранслятор удалось установить на холме, но за перевалом сигнал должен был ослабнуть. Значит, группе придётся оставлять записи в памяти приборов и передавать их, когда появится соединение.

Арен составлял перечень оборудования, пока Данна не вычеркнула почти треть.

— Зачем тебе второй силовой инструмент?

— Если придётся открыть старую дверь.

— Никакие старые двери силой не открываем.

— Даже наружные?

— Если они не аварийные и мы не знаем, что за ними, особенно наружные.
Он вздохнул.

Данна вычеркнула переносной источник высокого напряжения.

— И это.

— Для диагностики.

— Для неправильной диагностики неизвестной сети. Сначала пассивные приборы.

Лайа наблюдала за ними из дверного проёма.

— Вы ещё не вышли, а уже как будто делите добычу.

— Я делю массу груза, — ответила Данна. — И пытаюсь сделать так, чтобы её можно было быстро вынести обратно.

Кель тем временем разложил на столе собственные вещи: короткую лопату, механический ключ, верёвку, небольшую пилу, два запасных ремня, дорожную карту на бумаге и мешочек с крепежом.

Арен поднял бумажную карту.

— Ты серьёзно?

— Она не разряжается.

— Но не показывает текущие повреждения.

— А электронная карта иногда показывает мост, которого давно нет.

Данна посмотрела на карту и включила её в основной набор.

У Арена нашлось достаточно доводов против, но он их не произнёс.

Ива пришла ближе к вечеру.

В руках у неё был лист с условиями экспедиции. Не приказ начальства и не обычная доверенность — соглашение представителей затронутых общин.

— Мы можем разрешить обследование, — сказала она. — Но не изменение режима работы сети. Ни у одного из вас не будет полномочий запускать, отключать или разрушать старые системы.

— Даже если найдём причину? — спросил Арен.

— Тогда вернётесь с доказательствами. Или запросите отдельное решение, если связь сохранится.

Кель усмехнулся.

— Очень удобно на случай, если машина начнёт замораживать нас прямо внутри.

Ива посмотрела на Данну.

— В аварийной ситуации группа может действовать ради немедленного спасения жизни.

Но это не даёт права менять работу всей сети.

Данна кивнула.

— С этим можно работать.

Арен прочитал соглашение ещё раз.

Когда-то на Марсе он счёл бы его непрактичным. Здесь всё больше понимал смысл ограничений, написанных людьми, которым предстояло жить с результатами чужой инженерной работы.

Он подписал.

Лайа подписала следом.

Кель задержался.

— Кто отвечает за связь с поселениями, если вы уйдёте?

Ива указала на Нера.

— Он остаётся здесь. Данна передаст ему журнал маршрута, а Мирр — список времени контрольных выходов на связь.

Кель поставил подпись.

После этого выезд стал не намерением нескольких инженеров, а общим решением.

На следующий день, накануне выезда, Ива собрала в маленьком кабинете не экспедицию, а тех, кому предстояло остаться. На столе лежали две карты: маршрут к заброшенному городу и схема возможного переселения, испещрённая карандашными поправками.

— Связь каждые четыре часа, — сказала Данна. — После первого пропуска проверяете резервный передатчик. После второго готовите поисковую группу с картой последнего безопасного участка. Дальше неё без свежих измерений не идти. Если дорогу закроет холод, ищите другой подход и сообщаете нам по всем каналам.

Хар нахмурился.

— А если ваш резервный передатчик тоже замёрзнет?

— Тогда у вас не будет оснований считать дорогу безопасной.

— Удобный ответ.

— Не удобный. Единственный, при котором мы не устроим вторую пропавшую экспедицию.

Ода развернула свой список теплиц. Она не спорила о передатчиках. Её интересовало, хватит ли запаса воды на случай, если один из холодных участков пересечёт главный канал.

— Насосы у Хара питаются от общей линии, — сказала она. — Если её отключат, у нас останется меньше суток до потери части посадок.

— Кель проверил ручной обход и запас в верхней ёмкости, — ответил Арэн. — Без электричества вода пойдёт самотёком. Но новый запас насос уже не накачает.

— Проверил сегодня. А кто откроет клапан завтра, если его не будет?

Кель взял карандаш и написал на обороте листа последовательность действий. Первым пунктом стояло не название прибора, а имя Хара.

— Я тебя научу, — сказал он. — Даже если придётся десять раз повторить.

— Одиннадцать, — отозвался Хар. — Чтобы ты не думал, будто всё всегда делаешь с первого раза.

Ива наблюдала за ними с усталой улыбкой. Затем потребовала, чтобы каждый назвал не только свою задачу, но и человека, который сможет её принять. Оказалось, несколько важных работ держались на одном специалисте. Арэн сам указал, что никто из оставшихся не умеет разбирать старый марсианский регистратор. Нер возразил, что умеют двое учеников, просто взрослые никогда не допускали их к настоящей работе.

— Тогда пусть покажут, — сказала Ива.

К полудню в мастерской устроили учебную проверку. Местные дежурные восстанавливали запись на рабочем посту, а Рин и Ато повторяли те же действия на отключённом учебном стенде. Нер стоял рядом. Мальчики сначала спорили, какой накопитель выбрать, потом обнаружили, что оба забыли проверить исходную копию.

— Если бы это был единственный журнал? — спросил Нер.

Рин ответил не сразу.

— Мы могли бы его испортить.

— Именно. Поэтому сначала копия с защитой от записи. Потом проверка. И только потом любопытство.

Мальчики повторили процедуру. На этот раз получилось. Нер дал им бумажную инструкцию, а результаты настоящей проверки подписали взрослые дежурные. Арэн увидел, как брат замешкался, отпуская детские руки от учебного пульта. Он и сам с трудом позволял другим делать то, за что привык отвечать один.

Вечером Лайа разговаривала с Мирр у медицинского пункта. Мирр попросила её не называть неизвестный сигнал голосом погибших, пока не появятся доказательства.

— Дети повторяют всё, что слышат, — сказала она. — Вчера один мальчик спросил, могут ли те, кто остался на Марсе, прийти к нам по проводам.

— И что ты ответила?

— Что по проводам могут прийти сообщения. А люди — нет.

Лайа долго молчала.

— Иногда нам самим трудно помнить эту разницу.

Мирр закрыла окно, за которым начинался вечерний ветер.

— Вы ищете тех, кого потеряли. Я понимаю. Только не потеряйте тех, кто рядом.

Ночью Арен пришёл домой позже обычного. Он нашёл Лайю у раскрытого чемодана. Она складывала туда защитные перчатки, датчики и тонкую книгу с бумажными страницами.

— Зачем книга? — спросил он.

— В ней описаны первые земные попытки общения с животными, которые не реагировали на человеческие жесты. Может быть, бесполезно. Но полезнее, чем очередная уверенность, что незнакомый сигнал обязательно предназначен нам.

Арен сел на край кровати.

— Я обещал Хару помочь с насосом, когда вернёмся.

— Ты уже помог.

— Там снова что-то стучит.

Лайа закрыла чемодан.

— Значит, у тебя есть причина вернуться.

Они погасили свет. За окном шёл дождь. В первый раз после переезда Арен слушал его как неисправность. Теперь он думал о дороге впереди: о пыли, камнях, заброшенных домах и городе, который мог ответить на вопросы, заданные ещё задолго до рождения обоих.

* * *

Утром поселение ещё спало, когда возле машины появился Рин.

Он нёс маленький предмет, завернутый в ткань.

— Я сделал тебе кое-что, — сказал он Арену.

Внутри оказался деревянный мостик. Такой же, как тот, который мальчики строили через канаву, только гораздо меньше. Четыре грубые опоры, тонкий настил, перила, одно из которых получилось выше другого.

— Чтобы не забывал, — объяснил Рин.

— О чём?

Мальчик посмотрел на него так, будто вопрос был странным.

— О доме.

Арен осторожно взял мостик.

— Спасибо.

— И не ломай. Мы долго делали.

— Не буду.

Рин отступил на шаг.

— А если там тоже найдётся река?

— Посмотрим, можно ли её перейти.

— Только сначала проверь опоры.

Арен улыбнулся.

— Обязательно.

Нер подошёл последним.

На плече висела сумка с резервным передатчиком. Он передал её Арену, затем показал на маленький индикатор.

— Если связь исчезнет, запись пойдёт сюда. Не обнуляй память, даже если прибор начнёт ругаться.

— Ты думаешь, я не умею обращаться с регистратором?

— Я думаю, ты иногда считаешь, что важнее успеть, чем сохранить исходные данные.

Арен посмотрел на брата.

— Заслужил.
Нер поправил ремень на плече Арена.
— И не пытайся чинить всё, что увидишь.
— Это уже стговор с Данной.
— Нет. Данна просто быстрее меня сказала.
Они обнялись.
Нер слегка отстранился.
— Сигнал с восточной станции я продолжаю проверять. Пока ничего нового.
— Я знаю.
— Если что-то появится, передам.
Арен кивнул.
У машины Данна пересчитывала запасы воды.
Лайа укладывала архивные копии в герметичный контейнер.
Кель проверял колёса и крепления груза.
Когда солнце поднялось над крышами, они выехали.
Мирр с Рином стояли у дороги.
Ива рядом с ними держала в руках карту с отмеченным маршрутом.
Хар пришёл проводить группу, но ничего не сказал. Только поднял руку, когда машина проехала мимо.
За последними домами начинались поля.
Арен смотрел в заднее окно, пока поселение не исчезло за поворотом.
Раньше выезды всегда означали для него борьбу за возвращение к прежней системе.
Теперь он ехал туда, где могла скрываться её причина, и впервые не имел права ничего исправлять сразу.
На полпути к восточной дороге Кель попросил остановиться.
За обочиной тянулось пересохшее русло.
Он вышел и прошёл несколько десятков метров вниз по склону, присматриваясь к земле.
— Что ищешь? — спросил Арен.
— Следы дождя.
— Он был вчера.
— Здесь почва должна быть мокрой. Но смотри.
Кель поднял горсть сухого песка.
Между камнями не было даже следов влаги.
Лайа присела рядом.
— Значит, вода ушла ниже?
— Или не дошла сюда. В этом месте дождь всегда собирается в русле. Я проезжал после ливней, когда дорогу подмывало.
Данна проверила метеозапись ближайшей станции.
Осадки действительно были.
Но распределялись неровно.
— Это может быть обычный местный эффект, — сказала она.
— Может, — согласился Кель. — Но рядом с древней сетью я предпочитаю отмечать такие вещи.
Арен отметил координаты.
Когда они возвращались к машине, Лайа оглянулась на сухое русло.
В её архиве были старые записи об окружающей среде города, к которому они ехали.
В некоторых из них встречалось слово, которое переводчики условно обозначали как «контур».
До сих пор она думала о нём как о технической границе.

Теперь ей впервые пришло в голову, что контур мог проходить не по проводам и трубам. Он мог делить саму поверхность Земли.

Дороги, поля, дождь.

Всё то, что люди считали принадлежащим одному общему миру.

* * *

Мара получила предупреждение о возможной эвакуации, когда проверяла расход воды в нижней долине. На стене мастерской висел календарь дежурств. Она отложила измеритель и нашла свободную строку для нового задания: определить, сколько людей сможет принять поселение, если северная дорога останется открытой.

Сев пришёл по её вызову. Они вместе прошли к резервуарам, сверили объём воды, пропускную способность фильтров и реальный расход за последние недели. По старому проекту запас выглядел внушительно. По журналам оказалось, что один резервуар уже третий день отключён на очистку, а в другом уровень снижается быстрее расчётного.

— Если напишем полную вместимость, сюда привезут людей, которым не сможем дать пить, — сказала Мара.

— Тогда укажем фактическую, — ответил Сев.

— И срок, за который можно восстановить третий резервуар. Только без обещаний.

Они спорили над цифрами до вечера. Дейр предложил пустить воду через временный обход, но Рала потребовала сначала проверить качество после старых уплотнений. Никто не напомнил ему прежние приказы. Он сам записал предложение как вариант, требующий испытания, и пошёл за пробоотборником.

Когда Мара вернулась домой, Эн сидел возле окна и собирал деревянный мост. Одна опора оказалась короче другой. Мальчик подкладывал под неё кусочки картона, которые ветер сдувал со стола.

— Нам тоже придётся уезжать? — спросил он, не поднимая головы.

— Пока нет.

— А если привезут много людей, они будут спать у нас?

Мара села рядом.

— Возможно, кому-то понадобится место. Мы сначала обсудим, как это устроить.

Эн посмотрел на дверь, которую они недавно научились закрывать без скрипа.

— Я не хочу снова жить без двери.

Она вспомнила детскую на Марсе, где прозрачная перегородка не отделяла сына от тревог взрослых. Ей хотелось сказать, что теперь всё иначе. Вместо этого она взяла лист бумаги и нарисовала план навеса.

— Давай посмотрим, что можно отдать гостям, не забирая у тебя комнату.

Они долго передвигали на рисунке столы и кровати. Оказалось, что часть общей мастерской можно временно освободить, если инструменты перенести под сухой навес. Эн предложил поставить там ещё одну дверь. Мара не стала смеяться.

На следующий день она отправила Иве две таблицы: число мест, которое можно обеспечить сейчас, и число мест после завершения работ. В примечании написала: «Не учитывать детские комнаты как свободную площадь без согласия семей».

Ива перезвонила почти сразу.

— Ты понимаешь, что нам очень нужны места?

— Понимаю. Поэтому и написала, сколько их действительно есть.

После разговора Мара вышла во двор. Эн проверял свой мост под струёй воды из лейки. Картонные подкладки размокли, конструкция рухнула. Мальчик не заплакал. Поднял детали и понёс их к Крану — просить кусок дерева для новой опоры.

ГЛАВА 8. ЧУЖАЯ ДОРОГА

На дороге, ещё до перевала, Данна остановила машину у старого водосброса. Вода под бетонной плитой почти не текла, зато над ней висела табличка с двумя датами. Первую выбили на заводе. Вторую кто-то нацарапал вручную, гораздо позже, и рядом поставил короткую черту.

— Здесь раньше отмечали уровень весеннего паводка, — сказал Кель. — Отец показывал мне эту плиту, когда возил сюда камень.

Он нашёл в траве железный штырь, которым когда-то закрепляли измерительную рейку. Штырь свободно вышел из земли. Нижняя часть была гладкой, будто металл не ржавел под водой.

Лайа попросила дать ей посмотреть. На поверхности оставались три узкие полосы, одинаково удалённые друг от друга. Арен достал увеличитель. Следы могли быть заводской обработкой, но у края каждой полосы металл отличался по цвету.

— В журнале запишем, что обнаружили необычное покрытие, — сказала Данна. — Не древний ключ и не послание.

Кель усмехнулся.

— А я хотел уже объявить, что нашёл вход.

Они отложили штырь в герметичный контейнер, указав точные координаты, и пошли проверить сам водосброс. Внутри трубы застряли ветви. Кель вытащил одну и обнаружил за ней клочок старой ткани. Это была не одежда, а часть сигнального флажка. Красный цвет сохранился только там, где ткань была сложена в несколько слоёв.

— Эвакуационный пост, — сказал он. — Когда закрывали город, здесь останавливали грузовики. Отец говорил, что очередь стояла до самого поворота.

Арен посмотрел вдоль дороги. Теперь там росла трава, между колеями пробивались молодые деревца. Он попытался представить машины, людей у дверей, списки, которых никто не успевал сверять. На Марсе он знал этот вид ожидания: все смотрят на следующий шлюз и никто не уверен, откроется ли он.

Кель положил флажок обратно в контейнер.

— У отца был товарищ, который отсюда не вернулся. Не погиб, насколько мы знаем. Просто ушёл вместе с последним обозом и больше не появился.

— Ты проверял списки?

— В городском архиве его нет среди погибших. Среди прибывших — тоже. Мать говорила, что тогда люди часто меняли фамилии в записях, чтобы быстрее получить жильё. Не знаю, правда ли это.

Данна присела возле плиты и осмотрела ручную дату.

— Нам нужен не только технический архив. Нужны журналы тех, кто принимал переселенцев. В разных поселениях.

Кель впервые за день не стал возражать.

Когда они снова сели в машину, Арен заметил на приборной панели небольшую фотографию: мужчина возле старого грузовика и мальчик, который держится за его руку.

— Отец? — спросил он.

— Да. А мальчик я. Он не любил фотографироваться. Говорил, что лучше смотреть на дорогу, чем на собственное лицо.

Кель повернул ключ. Двигатель завёлся не сразу. Они ждали, пока насос подаст топливо, и молчали. Арен подумал, что история заброшенного города может оказаться не одной большой тайной, а тысячами маленьких решений, принятых в спешке и забытых теми, кто уцелел.

Данна сверила маршрут. До перевала оставалось немного. Она попросила сделать остановку на следующем сухом участке и проверить часы всех приборов ещё раз: после ночи в старом городе они должны были точно знать, когда и где находились.

* * *

На привале перед старым перевалом Данна обнаружила, что у них не совпадают часы. Не на секунды, которыми обычно пренебрегают в дорожных журналах. Регистратор в машине показывал на одиннадцать минут больше, чем её наручный прибор. Арен сверил время по автономному источнику и увидел, что ошибаются оба.

— На стоянке проверяли? — спросила Данна.

— Перед выездом, — ответил он.

Кель снял с приборной панели маленькие механические часы. Их стрелки шли ровно, без спешки.

— Эти оставил отец. Он говорил, что у любой умной системы должны быть соседи, которым она не может приказывать.

Арен хотел заметить, что механические часы тоже ошибаются, но Кель и сам это знал. Они записали показания всех трёх устройств, затем оставили машину с работающим регистратором и прошли к ручью. Через двадцать минут вернулись. Разница увеличилась ещё на сорок секунд.

— Если по этим меткам сопоставлять события в городе и на станции, мы получим ложную последовательность, — сказала Лайа.

Данна открыла полевой журнал на чистой странице. Отныне каждая запись получала два времени: локальное и контрольное, сверенное после возвращения. Сведения о давних авариях придётся перепроверять тем же способом. Это отнимало часы работы, но избавляло от уверенности, которой никто не заслужил.

Внизу у ручья они заметили старую табличку. На ней сохранилась лишь половина надписи: «ПРИ ЗАДЕРЖКЕ ТРАНСПОРТА...» Остальное смыла вода. Рядом лежал металлический короб с оторванной крышкой. Внутри обнаружились влажные, но ещё читаемые маршрутные карточки, сложенные в прозрачные конверты.

На каждой было два поля. Первое — номер дома. Второе — имя того, кто должен проверить, что из дома вышли все. У нескольких карточек второе поле осталось пустым. На одной рядом с пустотой кто-то поставил неровный крест.

Кель разложил карточки на сухом камне.

— Это не расписание автобусов, — сказал он. — Это список тех, кого ждали.

— Или тех, кого собирались проверить, — уточнила Данна.

— Разница есть?

— Огромная. По первой версии они уже пропали. По второй — их ещё могли найти.

Лайа сняла каждую карточку с двух сторон. На обратной стороне одной обнаружилась запись детским почерком: «Мама знает дорогу». Ни даты, ни подписи.

Кель хотел взять карточку с собой. Арен остановил его.

— Сначала отметим место. Если записи окажутся частью официального архива, нужно сохранить, где они лежали.

— Я собирался отнести её туда, где не течёт вода.

— Тогда отнесём весь короб, оформим находку и оставим копию здесь, если кто-то придёт искать.

Данна разрешила перенести бумаги после фотофиксации. Они работали молча. Лайа завернула мокрые листы в чистую ткань, не пытаясь расправить их силой. Кель подставил под короб деревянную дощечку, чтобы дно не провалилось.

Когда машина снова тронулась, Арен смотрел на две колонки времени. Одна показывала, что они опаздывают. Другая — что ещё успевают дойти до города до темноты. Он впервые

ясно понял, почему ошибка в старой ведомости могла пережить людей, которые её допустили: цифра выглядела точнее, чем чья-либо память.

На подъёме они остановились возле низкого каменного ограждения. Оттуда открывался вид на долину, оставшуюся позади. Дорога казалась тонкой ниткой, по которой невозможно провести тяжёлую технику. Данна измерила расстояние до ближайшей точки связи. Кель отметил участок, где придётся оставить машину, если дальнейший склон окажется разрушен.

— А если мы найдём там людей? — спросила Лайа.

Данна посмотрела на свободные места в салоне.

— Тогда сначала выясним, сколько их и кто может идти сам. Никаких обещаний, что всех увезём одной машиной.

Кель кивнул. В его мастерской дома висела фотография первого грузовика, который отец сумел провести по этой дороге. Тогда перевозили камень. Теперь они везли датчики, воду и слишком много вопросов.

За перевалом начинался город, из которого когда-то уходили, не зная, будет ли обратная дорога.

На второй день путь преградил мост.

Издалека он выглядел целым: бетонные опоры стояли на месте, перила тянулись через ущелье ровной линией, у дальнего края даже сохранилась дорожная разметка.

Кель остановил машину задолго до въезда.

— Дальше пешком.

Данна вышла первой и осмотрела участок через оптику. В середине пролёта одна из плит просела. Под ней виднелась тёмная трещина.

— Объезд? — спросила она.

— Старый. По нижней дороге, если её не смыло.

Кель развернул бумажную карту. Арен приблизил электронную.

Оба маршрута совпадали лишь до поворота.

Дальше электронная карта уверенно показывала дорогу через место, где по снимку была сплошная стена камней. Бумажная, напротив, содержала тонкую линию старой тропы.

— Актуальные снимки здесь плохие, — признал Арен.

— Не спорю, — сказал Кель. — Поэтому пойдём и проверим глазами.

Они оставили машину в безопасном кармане у дороги и взяли только необходимое. Под спуском тропа превратилась в узкую полку над сухим каменистым руслом. Растения здесь почти не росли; ветер выдул почву из щелей между породами.

Кель шёл впереди.

Он не делал резких движений и не пытался идти быстрее остальных. Перед каждым осыпавшимся участком проверял опору концом лопаты, затем показывал, куда ставить ногу.

Арен заметил, что каждый раз тот сначала выбирает путь для группы, а уже потом проходит сам.

На Марсе подобным образом водили людей по аварийным галереям.

Но Кель никогда не был на Марсе.

Они добрались до нижнего русла к полудню.

Там обнаружилась старая бетонная труба, через которую когда-то проходила сезонная вода. С одного конца её засыпало камнями, с другого виднелась узкая щель.

Кель принялся разбирать завал.

— Ты собираешься пройти внутри? — спросила Данна.

— Нет. Мне нужна площадка возле неё. Если снять эти камни, можно провести груз мимо обрыва.

— Тогда сначала проверим устойчивость.

— Проверим.

Арен поставил датчики на край завала. Нер сделал бы то же самое, подумал он, только успел бы ещё прочитать короткую лекцию о том, почему никому не стоит доверять старым подпоркам.

Лайа занималась другой задачей.

Она заметила на бетонной трубе неглубокие параллельные борозды. Они шли не по направлению потока воды. При ближайшем рассмотрении оказалось, что борозды оставлены старой металлической конструкцией, когда-то закреплённой вдоль внутренней поверхности.

— Здесь проходил кабель, — сказала она.

Арен присел рядом.

— Не один. Смотри, следы трёх креплений.

— Человеческих?

Он изучил размеры.

— Похоже. Но сами крепления сняты давно.

— Куда они вели?

Кель показал вниз по руслу.

— К старой городской линии. Её разобрали перед эвакуацией. По крайней мере так говорили.

Арен провёл рукой по бетонной поверхности.

Долгое время казалось, что дорога приведёт их к давно забытой технологии. Теперь выяснилось, что по ней уже проходили люди, которые что-то знали о древней сети.

Возможно, больше, чем нынешняя группа.

Обход завершили к вечеру.

Последний подъём оказался настолько крутым, что пришлось дважды переносить груз по частям. Лайа устала и отказалась отдать свой контейнер Арену, хотя тот уже несколько раз предлагал помощь.

— Я его сама несу, — сказала она.

— Он тяжёлый.

— Я заметила.

— У меня свободная рука.

— У тебя в этой руке оборудование Данны.

Арен посмотрел на прибор.

Он действительно забыл о нём.

Кель, шедший позади, усмехнулся.

— Ваша семья всегда так ходит?

— Только когда меня пытаются спасти без необходимости, — ответила Лайа.

Данна проверила время и указала на ровную площадку у высохшего ручья.

— Здесь лагерь.

Кель осмотрел склон.

— Лучше выше. Снизу может прийти вода.

— В прогнозе дождя нет.

— Значит, хорошо, что у нас есть возможность подняться до того, как прогноз ошибётся.

Данна посмотрела на площадку выше и согласилась.

Палатки поставили между двумя крупными валунами. Там меньше дуло. Арен закрепил общий навес, Кель собрал небольшую печь, Лайа разложила карты. Данна поставила пост контроля погоды и температуры.

К ужину никто не хотел разговаривать.

Они ели горячую кашу из металлических мисок. Внизу под ними темнело высохшее русло. Над горами загорались первые звёзды.

Арен достал из кармана деревянный мостик Рина. Он носил его завёрнутым в ткань, чтобы не сломать.

Кель заметил.

— Твой?

— Подарок.

— Забавная вещь.

Он взял мостик, повертел в руках и неожиданно внимательно рассмотрел соединения.

— Неплохо сделано. Только эта опора короткая.

— Рин знает. Говорит, если понадобится, поднимет.

Кель вернул мост.

— Мой сын тоже любил строить. Раньше.

— А теперь?

— Теперь больше молчит.

Арен подождал, но Кель не продолжил.

Через некоторое время он сам спросил:

— Из-за той ночи?

Кель отложил миску.

— Мы переезжали и до той ночи, — сказал Кель. — Я выбирал место по воде, по дороге, по расстоянию до станции. Думал: вот здесь детям будет лучше. Дочь посадила дерево. Сын тогда ещё не доставал до нижней ветки. А потом холод добрался и туда. После её смерти жена отказалась снова собирать вещи. Мы остались.

Лайа молча слушала.

— Арен, — сказал Кель, — я не думаю, что ты лично виноват в моей беде.

— Я этого не утверждал.

— Знаю. Но ты всякий раз смотришь на меня так, будто ждёшь обвинения.

Арен не нашёл ответа.

Кель продолжил:

— Если вы действительно не знали, что произойдёт после включения сети, это одна история. Если знали и всё равно включили — другая. Мне важно различать.

— Мы знали, что сеть нестабильна. Но не знали, что последствия затронут Землю таким образом.

— Вот это уже ответ.

Кель взял пустую миску.

— Мне не нужно, чтобы ты постоянно извинялся. Мне нужно, чтобы ты в следующий раз вовремя сказал, чего не знаешь.

Арен посмотрел на деревянный мостик.

Слова прозвучали без злости. Оттого принять их было сложнее.

Ночью Арен проснулся от звука дождя.

Несколько секунд не мог понять, откуда он идёт. Капли стучали по навесу ровно и часто.

Лайа спала рядом. Он приподнялся, прислушался и заметил, что звук очень быстро исчезает.

Снаружи было тихо.

Арен осторожно вышел.

Небо оставалось ясным.

Внизу, в высохшем русле, медленно текла вода.

Тонкая полоска, блестящая в свете луны.

Он позвал Данну.

Она вышла в куртке, сразу проверила погодный регистратор и нахмурилась.

— Осадков не было.

— Я слышал дождь.

— Может, вода пришла из другого участка.

Кель, услышав голоса, тоже вышел.

Он спустился на несколько метров по склону и осмотрел почву.

— Она не пришла сверху, — сказал он. — Смотри на камни. Здесь всё сухо. Вода появилась прямо в русле.

Лайа принесла прибор.

Вода текла по линии, которая на старой карте проходила рядом с подземным техническим каналом. Температура её была значительно ниже температуры воздуха.

— Не трогать, — предупредила Данна.

Они наблюдали около десяти минут.

Затем вода остановилась.

Не обмелела постепенно.

Оборвалась у невидимой границы. За ней русло снова оставалось сухим.

Арен включил запись.

— Эта сеть умеет работать не только с холодом, — сказал он.

Лайа посмотрела на мокрые камни.

— Или холод и вода — части одной системы, которая управляет средой.

Кель опустил на колено возле края потока.

— Тогда понятно, почему этот город покинули. Невозможно жить там, где даже река появляется по чьей-то команде.

Арен не ответил.

Он вспомнил слова Рина о мосте через исчезнувшую реку.

Здесь всё было наоборот.

Река появлялась и исчезала, а мостов не было.

К утру они сняли лагерь.

Дорога медленно поднималась к перевалу. На верхнем участке воздух стал холоднее. Справа тянулись каменистые склоны, слева открылся вид на широкую долину, в которой когда-то стоял город.

Сначала Арэн увидел только ровные линии старых дорог. Потом различил крышу большого здания, ряды опор и остовы транспортных галерей.

Город выглядел не разрушенным войной, а оставленным впопыхах. Некоторые здания сохранили окна. На одной площади стоял неподвижный транспорт. Возле центрального здания тянулись тёмные навесы, словно жители собирались вернуться за вещами.

На перевале Кель остановился.

— Дальше начинается старая граница, — сказал он.

— Какая? — спросила Лайа.

— Когда я был маленьким, сюда иногда приезжали люди смотреть на город. Им запрещали спускаться ниже этой отметки.

Он показал на невысокий каменный столб.

На нём сохранилась почти стёртая красная полоса.

Данна измерила температуру.

По одну сторону столба было плюс шестнадцать.

По другую — плюс два.

Граница проходила по прямой линии, не совпадавшей ни с направлением ветра, ни с формой склона.

Арен осторожно шагнул назад.

Потом вновь вперёд.

Изменение повторилось.

— Здесь физически другая среда, — сказал он.

Лайа посмотрела на город.

— Значит, мы близко.

На противоположном склоне показалось гладкое сооружение, частично скрытое в камне. Оно не походило на земную постройку.

Ни кирпичей, ни металлических рам, ни обычных швов. Лишь тёмная изогнутая поверхность, уходящая в скалу.

В её нижней части пульсировала тонкая синяя линия.

Кель достал бумажную карту.

Он долго сверял положение сооружения с отмеченной дорогой.

— Здесь ничего не должно быть, — сказал он.

Арен посмотрел на световую линию.

Она медленно погасла.

Затем зажглась снова.

— Возможно, раньше и не было, — ответил он.

Данна поставила отметку безопасного сбора группы и велела подготовить приборы.

Никто не предложил сразу идти внутрь.

Они стояли на границе двух температур и смотрели вниз на город, который однажды оставили люди.

Теперь он снова подавал признаки жизни.

И никто из четверых ещё не знал, кому она принадлежала.

* * *

От смотровой площадки они начали спуск к городу. Кель заметил старую дорогу не на карте: среди травы торчал полосатый дорожный столб, почти скрытый осыпью. Он расчистил землю ботинком и показал две ржавые скобы.

— Здесь когда-то стоял щит с указанием объезда. Отец возил по этой дороге строительный камень.

— Почему перестали ездить? — спросила Лайа.

— После эвакуации города пропал смысл поддерживать путь. Потом смыло нижнюю переправу. Люди стали рассказывать, что здесь опасно даже летом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.